

ГЕЙНЦ ГУДЕРИАН

ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО
ГЕНЕРАЛА. ТАНКОВЫЕ
ВОЙСКА ГЕРМАНИИ ВО
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ. 1939–1945

За линией фронта. Мемуары

Гейнц Гудериан

**Воспоминания немецкого
генерала. Танковые войска
Германии во Второй
мировой войне. 1939–1945**

«Центрполиграф»

2012

Гудериан Г.

Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Г. Гудериан — «Центрполиграф», 2012 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-4942-8

В своих мемуарах Гейнц Гудериан, стоявший у истоков создания танковых войск и принадлежавший к элите высшего военного руководства нацистской Германии, рассказывает о планировании и подготовке крупнейших операций в штабе Верховного командования сухопутных сил Германии. Книга является интереснейшим историческим документом, где знаменитый немецкий генерал делится своими знаниями и опытом.

ISBN 978-5-9524-4942-8

© Гудериан Г., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	11
Танковая атака – огонь и движение	25
Бронезащита	26
Движение	27
Огонь	29
Глава 3	32
1938 год. Кризис Бломберга – Фрича. Присоединение к рейху Австрии и Судет	32
Аншлюс Австрии	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Гейнц Гудериан

Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945

Эти блестящие мемуары просто гипнотизируют... Это великая книга великого солдата.

Стивен А. Амброс

Знаменитые мемуары Гудериана остаются одним из самых честных и откровенных рассказов о том, что происходило в решающие моменты Второй мировой войны в штабе немецкого Верховного командования. Он описывает также и свою роль в создании бронетанковых войск, которые наряду с авиацией люфтваффе составляли ядро блицкрига. Эта книга знакомит нас с личностными качествами Гудериана, с его идеями, а также с операциями бронетанковых войск против превосходящих сил противника.

Кеннет Макси, автор биографии Гудериана

Предисловие

Один из людей, творивших историю – в мировом масштабе! – предлагает нам ознакомиться в этой книге со своим представлением о том, как его действия влияли на события истории и к каким совершенно неожиданным для него результатам это привело. Гудериан оказал огромное воздействие на ход войны своего времени. Без него воинственные настроения Гитлера могли бы оказаться очень быстро пресеченными при первой же попытке развязать войну. Ведь в 1939—1940 годах вооруженные силы Германии были еще не в состоянии одолеть войска какой-либо из крупных держав. Триумфальные победы, с которых началась для Германии Вторая мировая война, стали возможными только благодаря наличию бронетанковых войск, которые создал и обучил Гудериан, и его смелому командованию этими войсками вопреки осторожности вышестоящего командования и страхам Гитлера. Прорыв Гудериана в Седане и молниеносный бросок к Ла-Маншу практически решили исход войны с Францией.

Год спустя его натиск на востоке чуть было не привел к разгрому русских армий, но снова нерешительность вышестоящих лиц привела к торможению кампании вплоть до наступления зимы, которая дала русским передышку. Сталин смог подвести новые армии и возвести новые военные заводы взамен захваченных. Россия принялась набирать силу, а вот Германия уже не была так сильна, как в первую кампанию. Вторая попытка Гитлера, в 1942 году, хотя и представляла для России опасность, но имела более ограниченные масштабы. После поражения под Сталинградом всему миру стало ясно, что мощь Германии ослабевает, а вступление в войну Америки окончательно ускорило исход войны.

Таким образом, одержанные Гудерианом победы принесли его стране больше вреда, чем если бы он потерпел поражение. Ранний цвет принес горькие плоды.

Он и сам успел распробовать этот горький вкус, будучи отправленным в отставку еще в конце 1941 года за то, что осуществил временное отступление, вместо того чтобы потворствовать иллюзиям Гитлера. Он был вновь призван на службу лишь тогда, когда положение Герма-

нии стало уже отчаянным, и стал в конце концов начальником Генерального штаба, когда оно превратилось в безнадежное. Так что эту горечь он испил до дна.

Однако плачевные последствия его работы несколько не умаляют ее исторического значения – сотворения истории посредством новой идеи, выразителем и исполнителем которой он был. Германия не сохранила своих завоеваний, но эти завоевания перекроили карту Европы и повлияли на будущее всего мира.

Книга Гудериана представляет собой большой интерес еще и с точки зрения познания того, как работает мозг специалиста. Сильно развитое воображение Гудериана работало только в рамках профессиональной тематики, причем силу его концентрации многократно увеличивал горячий энтузиазм.

Гудериан был профессиональным солдатом в самом высоком смысле этого слова. Он, как и подобает мастеру, полностью посвятил себя техническому прогрессу. Он не думал ни о карьерных амбициях, ни о необходимом для их осуществления такте, ни о том, каким целям послужат технические нововведения. Понять его – значит понять страсть к идее в ее чистом виде. В этом лежит и объяснение его отношения к Гитлеру – более благосклонное, чем у большинства генералов старой закалки. Гитлер заявлял о своей приверженности новым военным идеям, в том числе идее оснащения танковых войск, так что Гудериану он не мог не понравиться. Гитлер конфликтовал с Генеральным штабом и существующей военной системой, и Гудериан, по своим причинам, тоже, и это вначале сблизило их, хотя по мере развития дальнейших отношений с фюрером Гудериан лишился своих иллюзий.

Читателям его мемуаров станет ясно, что он не задавался вопросом, кому и чему служит он сам и его солдаты. Для него достаточно было того, что страна воюет, а значит – находится в опасности. Выполнение долга было для него несовместимо с сомнениями. Как дисциплинированный солдат, он молча признавал, что его страна вправе защищаться от потенциальных противников. Читателей по всему миру, осведомленных о том, какую опасность несла Германия их странам, такая позиция может, конечно, привести в раздражение. Но установки Гудериана соответствуют установкам любого солдата любой страны в любое время. В мемуарах британских и американских командиров XIX века тоже редко когда мелькают тени сомнения по поводу участия их стран в войнах по довольно спорным поводам. Ход мыслей и способ их выражения носят у Гудериана довольно «викторианский» оттенок.

Более того, солдаты во всем мире привыкли принимать на веру, что «нападение – это лучшая защита», так что разницу между нападением и обороной они считают тактическим различием между двумя альтернативными действиями, и вопрос об агрессии в этом случае не встает. Крупнейшие специалисты в области международного права затрудняются дать безошибочное определение агрессии, а агрессивные настроенные государственные деятели всегда умело сваливают вину на плечи своих иностранных оппонентов. Самые ясные случаи всегда можно затуманить призывами к патриотизму, и чем больше в людях чувства долга перед своей родиной, тем легче обмануть их и заставить замолчать. Солдат не учат расследовать, кто прав в международных спорах, а если они позволяют себе увязнуть в этом вопросе, то окажутся неспособными выполнить свой долг. Для военного философа есть место при разработке стратегии войны, но слишком уж вдумчивый ум не годится для самой военной службы.

Из соображений практической необходимости командир на поле боя должен действовать без размышлений, и, даже если у него есть на это время, он не должен каждый раз просчитывать отдаленные последствия выполнения полученного приказа, иначе его действия будут парализованы. Это правило не касается лишь самых высокопоставленных военачальников (Веллингтон тому примером). Так что пока продолжается бой, для выполнения своих задач военные обязаны ограничить сферу своего мышления обдумыванием того, как эффективнее выполнить приказ. «Их дело – не размышлять, а действовать и умирать!» Ни одна страна, имеющая собственную армию, не может позволить себе пренебрегать этим правилом. Там, где солдаты

начинают задумываться о том, за правое ли дело они сражаются, армии терпят сокрушительное поражение.

Легко считать Гудериана упорствующим милитаристом, но лучше признать, что его базовые воззрения – необходимые установки военного. То, что он не отказывается от них при написании мемуаров, дабы снискать одобрение судей, говорит лишь о его непоколебимой честности, которая так часто приводила его к конфликту с вышестоящими командирами и с Гитлером, да еще, пожалуй, о боевитости характера, которая сделала его таким выдающимся военным реформатором и командиром.

Не следует отказываться от ознакомления с мемуарами Гудериана из-за неприятия его стиля – это так же неразумно, как если бы его вышестоящие командиры игнорировали его военные предложения из-за нелюбви к нему лично. Эта книга – самый полный фактологический отчет о войне со стороны немцев из всех изданных до сих пор. Подробнейшая картина, делающая книгу ценным источником, хорошо дополняется энергичными и точными комментариями.

Откровения первых глав книги, которые свидетельствуют о том, какое сопротивление Гудериан испытывал при внедрении идеи развития бронетанковой техники и обеспечении методики блицкрига, могут удивить многих читателей, представляющих себе немецкий Генеральный штаб как единый прозорливый организм, состоящий из мыслителей, только и думающих, как бы им получше подготовиться к новой войне. (То, что он рассказывает, не будет таким уж откровением для тех, кто знает, что такое армия и как консервативна она по своей природе.)

Его рассказ о кампании 1940 года не только вскрывает все проблемы форсирования Мёза под Седаном, но и описывает всю гонку последующего броска на побережье Ла-Манша. Вы как будто сидите в автомобиле Гудериана во время этого безостановочного движения и видите, как он управляет своими танковыми дивизиями. Для меня это было как сон с продолжением, потому что до войны я так и представлял себе правильно организованный танковый бросок, но тогда меня уверяли, что я мечтатель. Когда Хобарт на учениях в 1934 году продемонстрировал возможности такого броска, солдаты старой школы заявили, что на настоящей войне такое не пройдет.

Рассказ Гудериана о наступлении на Россию в 1941 году дает нам самую подробную картину этого вторжения, которая вообще доступна на данный момент. Если кажется, что подробности замедляют темп повествования, то должен сказать, что оно очень оживляется историями о конфликтах в немецком командовании, а его описания страшного последнего этапа – зимнего броска на Москву по грязи и снегу – чрезвычайно живописны. Затем следует рассказ о смещении его самого и о повторном вызове на службу в 1943 году с целью реорганизации танковых войск после поражения под Сталинградом. В последних главах он по-новому освещает провал планов по отражению высадки союзников в Нормандии.

Когда ситуация стала отчаянной, Гудериану приказано было заступить на пост начальника Генерального штаба, на должность, полномочия которой были в тот момент ограничены Восточным фронтом и еще более ограничены – стремлением Гитлера контролировать все самому. Такие рамки оставляли Гудериану не много свободы действий, но зато новое назначение предоставило ему прекрасную возможность непосредственно наблюдать за процессом мышления и эмоциями Гитлера на последних этапах войны. Вряд ли можно представить себе более удручающую картину деградации больного диктатора и его деморализованного окружения. Завершает Гудериан свои мемуары набросками-описаниями характерных черт личности Гитлера и прочих вершителей судеб Третьего рейха, – и эта глава кажется мне самой интересной.

Острота и объективность этих описаний крайне примечательны. В этой главе чуть открывается одно из качеств самого Гудериана, не проявляющееся в книге напрямую, но пора-

жающее каждого, кто общался с ним лично, – его чувство юмора. Юмор тем более приятно отметить в данном случае, что для людей его круга это не типичное явление.

Однако Гудериану не удалось исправить то положение, которому он сам ранее и поспособствовал, находясь на более низких должностях. Когда речь заходит о людях действия, то их место в истории определяется тем, насколько они эту историю изменили. Достижения Гудериана – его влияние на ход Второй мировой войны и на способ ведения войны вообще – говорят о нем как о военачальнике высочайшего класса. Он настолько новаторски и решительно применял разработанную им идею независимого использования бронетанковых войск, что это приносило ему несравнимые ни с чем в анналах военной истории победы.

Ясно, что он в полной мере обладал качествами, отличающими «великих капитанов» истории, – острой наблюдательностью, уверенной интуицией, быстротой мысли и действия, не оставлявшей противнику шанса оправиться, даром тактического и стратегического мышления, способностью завоевывать сердца своих солдат и добиваться от них выполнения задуманных им задач. Непонятно только, в какой мере обладал он классическим чувством реализма. Впрочем, он умел делать нереальное реальным.

Помимо этих качеств, у Гудериана имелось и творческое воображение – главная черта гения как в военной сфере, так и во всех остальных. Большинство признанных мастеров военного дела использовали, как правило, традиционные средства и методы. Лишь немногие разрабатывали что-то новое. Изобретения в области вооружений приходили, как правило, извне, обычно от кого-то из гражданских. Изобретения в области тактики принадлежали, как правило, кому-нибудь из военных мыслителей и постепенно распространялись через прогрессивно мыслящих офицеров нового поколения. Редко кому из изобретателей удавалось самим воплотить в жизнь разработанные ими теории. Гудериану, однако, представилась такая возможность. И он воспользовался этой возможностью с революционными результатами.

Капитан Б.Х. Лиддел Харт

Глава 1

Семья, юНОСТЬ

Я появился на свет воскресным утром 17 июня 1888 года в городе Кульм (Хелмно) на берегу Вислы. Мой отец, Фридрих Гудериан, был в то время обер-лейтенантом во II Померанском егерском батальоне. Он родился в 1858 году, 3 августа, в Гросс-Клоне, под Тухелем. Моя мать, в девичестве Клара Киргофф, родилась 26 февраля 1865 года в Немчике, под Кульмом. Оба моих деда были помещиками-землевладельцами. И все мои предки, о которых я смог что-нибудь узнать, были помещиками или адвокатами и жили либо в Варте, либо в Восточной или Западной Пруссии. И только мой отец, единственный из всех близких родственников, был офицером регулярной армии.

2 октября 1890 года родился мой брат Фриц.

В 1891 году мой отец по долгу службы переехал в Кольмар, в Эльзас. Там я пошел в школу, когда мне исполнилось шесть лет, и учился до 1900 года, когда отца перевели в Лотарингию – в Санкт-Авольд. Санкт-Авольд был слишком маленьким городком, и в нем не было средней школы, поэтому родителям пришлось отправить нас в пансион, в другой город. Стесненность нашего отца в средствах и страстное желание его обоих сыновей стать офицерами предопределили выбор учебного заведения – и мы продолжили обучение в кадетском корпусе. 1 апреля 1901 года нас с братом послали в кадетский корпус в Карлсруэ, в Бадене, где я и учился вплоть до 1 апреля 1903 года, когда меня отправили в старший кадетский корпус в Гросс-Лихтерфельд, что под Берлином. А через два года за мной последовал и брат. В феврале 1907 года я сдал итоговые экзамены – райферпрюфунг. До сих пор, когда я вспоминаю своих учителей и наставников тех лет, меня переполняют глубокая благодарность и уважение. Наше обучение в кадетских корпусах было, конечно, по-военному строгим и простым. Но оно строилось на принципах доброты и справедливости. Учебный курс основывался на предметах гражданских школ того времени. Как и в реальной гимназии, большое внимание уделялось языкам, математике и истории. Эти знания очень пригодились нам в жизни, причем они давались нам в том же объеме, что и студентам гражданских учебных заведений.

В феврале 1907 года меня, в ту пору курсанта второго курса – фенриха, распределили в 10-й Ганноверский егерский батальон, располагавшийся в Биче, в Лотарингии. До декабря 1908 года батальоном командовал мой отец. Это был настоящий подарок судьбы, потому что мне снова представилась счастливая возможность пожить в семье своих родителей после шестилетнего обучения в пансионе. Окончив военную школу в Меце (где проходил обучение с апреля по декабрь 1907 года), я был произведен в чин младшего лейтенанта 27 января 1908 года – за выслугой лет, начиная с 22 июня 1906 года.

С этого момента и вплоть до начала Первой мировой войны я наслаждался счастливой жизнью младшего офицера. 1 октября 1909 года наш егерский батальон получил назначение в свой родной район – провинцию Ганновер. Там мы встали гарнизоном в Госларе, в горах Гарц. Именно там я обручился с Маргаритой Гёрне, ставшей моей дорогой женой. Мы поженились 1 октября 1913 года, и с тех пор она была моей постоянной подругой, делила со мной все радости и печали разнообразной и, конечно, нелегкой военной жизни.

Но не успели мы насладиться нашим счастьем, как его грубо оборвала вспыхнувшая 2 августа 1914 года война. И следующие четыре года мне редко выпадала счастливая случайность побыть с семьей.

23 августа 1914 года Бог послал нам сына, Хайнца Гюнтера, а 17 сентября 1918 года – второго сына, Курта. Мой дорогой отец умер в начале войны, через год после тяжелой операции, которую ему сделали в мае 1913 года и из-за которой ему пришлось оставить службу по

состоянию здоровья. Эта смерть унесла человека, который был для меня примером как военной, так и просто человеческой доблести. Мать пережила его на 16 лет. Она ушла из жизни в марте 1931 года, завершив свою жизнь, полную любви и доброты.

В 1918 году, когда было подписано перемирие, я поступил на службу в пограничные войска на востоке, сначала в Силезии, а потом – в Прибалтике. В конце этой книги вы найдете подробный послужной список, с необходимыми комментариями о личной жизни. Из него видно, что до 1922 года я оставался пехотным офицером и выполнял то полевые, то штабные обязанности. Но прикрепление к 3-му телеграфному батальону в Кобленце и работа с радиотехникой в первые месяцы Первой мировой войны дали мне возможность приобрести некоторые знания о системе передачи сигналов, что сослужило мне добрую службу в дальнейшем, когда я стал у истоков создания совершенно нового рода войск.

Глава 2

Становление танковых войск Германии

Весь период от одной войны до другой я был занят созданием бронетанковых войск Германии. Хотя я был егерским офицером (легкая пехота) и технического образования у меня не было, мне пришлось вплотную заняться проблемой моторизации.

Вернувшись из Прибалтики осенью 1919 года, я некоторое время служил в 10-й бригаде рейхсвера в Ганновере. В январе 1920 года мне поручили командование моим родным егерским батальоном в Госларе. В то время я еще не думал о возвращении к работе в Генеральном штабе, которой занимался до января 1920 года. Во-первых, мое возвращение из Прибалтики было обусловлено не самыми приятными обстоятельствами, а во-вторых, в столь маленькой армии, вся численность которой была сокращена до ста тысяч человек, оставалось крайне мало надежд на то, чтобы сделать быструю карьеру. Поэтому я очень удивился, когда осенью 1921 года мой батальонный командир, очень уважаемый мной человек, полковник фон Амсберг, осведомился о моем желании вернуться к работе в Генеральном штабе. Я ответил, что желание такое есть, и больше эта тема не поднималась. Лишь в январе 1922 года мне вдруг позвонил подполковник Йоахим фон Штюльпнагель из Труппенампта (Генерального штаба армии) министерства обороны (РВМ) и спросил, почему я до сих пор не прибыл в Мюнхен. От него я узнал, что меня должны перевести в отделение моторизованного транспорта в инспекторате транспортных войск, поскольку инспектору, генералу фон Чишвицу, потребовался на службу офицер из Генерального штаба. Официально я должен был вступить в эту должность 1 апреля, но было решено, что перед тем, как приступить к штабной работе, мне стоит набраться опыта на полевой работе в автомобильных войсках, для чего меня направили в 7-й (Баварский) моторизованный транспортный батальон в Мюнхене, куда я и должен был отбыть немедленно.

Новая работа заинтересовала меня, и я тут же отправился в путь и прибыл в Мюнхен, к батальонному командиру майору Лутцу. С этим офицером мне предстояло проработать плечом к плечу несколько лет, и этот добрый и отзывчивый человек всегда вызывал у меня чувство глубокого уважения. Мне было предписано остановиться в Мюнхене и записаться в 1-ю роту, которой в то время командовал Виммер, бывший офицер воздушных войск, который впоследствии еще вернется к полетам. Майор Лутц объяснил мне по прибытии, что я буду заниматься в министерстве организацией и эксплуатацией войск моторизованного транспорта. Деятельность, которой я посвятил себя в Мюнхене, стала подготовкой к основной работе в этой области. Майор Лутц и капитан Виммер сделали все, чтобы я узнал как можно больше об особенностях моторизованных войск, и я приобрел много нужных знаний.

1 апреля 1922 года я приехал к генералу фон Чишвицу в Берлин, ожидая получить указания по работе в Генеральном штабе. Он сообщил, что первоначально намеревался поручить мне решение вопросов эксплуатации автомобильных войск. Однако начальник штаба, майор Петтер, отдал иное распоряжение: мне поручили техническое обеспечение ремонтных станций, оснащение запасами топлива, ведение строительных работ и заботу о техническом персонале. Помимо этого в сферу моей деятельности включались дорожные и другие виды сообщения. Я был ошеломлен и ответил генералу, что учился совсем другому, что мне незнакома техническая сторона дела и вряд ли моих знаний хватит, чтобы справляться с обязанностями работы в министерстве. Генерал фон Чишвиц ответил на это, что первоначально хотел поручить мне те обязанности, о которых говорил со мной майор Лутц. Но начальник штаба представил приказ о производстве дел, составленный в императорском военном министерстве Пруссии в 1873 году, – дополненный, разумеется, некоторым количеством исправлений и добавлений. Согласно этому документу, именно начальник штаба, а не инспектор, обладает

правом определять круг должностных обязанностей офицеров. Инспектор выразил сожаление по поводу того, что не может повлиять на решение начальника штаба, но обещал, что постарается добиться, чтобы я мог заниматься и тем, к чему изначально готовился. Я подал прошение о возвращении в егерскую роту, но получил отказ.

В общем, я вплотную занялся технической стороной дела, с которой мне предстояло связать свою карьеру. Если не считать нескольких документов, находящихся в состоянии разработки, мой предшественник не оставил ничего достойного внимания. Я мог положиться лишь на нескольких старых сотрудников министерства, которые хорошо знали бумажную сторону дела и весь процесс нашей работы – они помогали мне изо всех сил. Эта деятельность оказалась для меня чрезвычайно полезной с точки зрения обучения – приобретенный на ней опыт в дальнейшем мне очень пригодился. Самым же ценным стало для меня порученное генералом фон Чишвицем изучение вопроса транспортировки войск на автомашинах. В результате этой работы, к которой я приступил сразу же после недолгой практики в Гарце, я впервые узнал о тех возможностях, которые открывало использование моторизованных войск, и смог самостоятельно судить об их особенностях. Генерал фон Чишвиц оказался очень строгим начальником. Он замечал малейшую мою ошибку и придавал огромное значение аккуратности в работе. Работа с ним многому меня научила.

Первая мировая война дала уже множество примеров того, как для переброски войск использовалась моторизованная техника. Передвижения воинских подразделений таким образом осуществлялись чаще всего в тылу, за более или менее фиксированной линией фронта, и никогда – в сторону противника. Теперь же Германия оказалась беззащитной, и было маловероятно, что война будет позиционной, с фиксированной линией фронта. Мы должны были полагаться на мобильную оборону в случае войны. Проблема транспортировки моторизованных войск во время маневренной войны в конечном счете свелась к вопросу о защите транспортных средств. Надежной защитой могли служить только бронированные машины. Поэтому я занялся изучением прецедентов того, какие эксперименты с бронетехникой проводились ранее. Так я сошелся с лейтенантом Фолькхаймом, который собирал и изучал немногочисленные сведения об использовании Германией бронемашин, а также более богатый опыт использования во время войны вражеских танковых частей, который тоже мог пригодиться нашей маленькой армии. Лейтенант предоставил мне достаточно литературы по этому предмету. Теория в этих книгах была разработана слабо, но мне, по крайней мере, было от чего оттолкнуться. Англичане и французы имели более богатый опыт, и именно ими была написана основная часть книг. С этих книг я и начал изучение вопроса.

Я читал в основном книги и статьи англичан – Фуллера, Лиддела Харта и Мартела. Они подогрели мой интерес и дали пищу для размышлений. Авторы, дальновидные солдаты, уже тогда видели в танках нечто большее, чем просто вспомогательные средства для действий пехоты. Они рассматривали танк как элемент стремительной моторизации нашего века, став, таким образом, пионерами нового способа ведения крупномасштабных военных действий.

Из их книг я узнал о концентрации бронетехники в битве при Камбре. Именно Лиддел Харт делал упор на применении бронетанковых войск в наступлениях на большие расстояния, в операциях, направленных на разрушение коммуникаций вражеской армии, и именно он предложил формировать дивизии бронетехники из сочетания танков и бронированных машин пехоты. Находясь глубоко под впечатлением этих идей, я пытался адаптировать их для нашей собственной армии. Поэтому многими идеями, определившими наше дальнейшее развитие, я обязан капитану Лидделу Харту.

Среди слепых и одноглазый – король. Так как больше этой темой не занимался никто, я очень скоро оказался единственным специалистом. Несколько небольших статей, которые я писал в газету «Милитер вохенблат» («Военный еженедельник»), укрепили за мной эту репутацию. Редактор газеты, генерал фон Альтрок, часто навещал меня и просил писать еще и еще.

Это был солдат высшего класса, и он был озабочен тем, чтобы материалы газеты освещали самые современные проблемы.

В ходе этой деятельности я познакомился с Фрицем Хайглем, австрийцем, автором «Справочного пособия по танкам». Я смог предоставить ему некоторую информацию по тактическим вопросам, а он произвел на меня впечатление истинного немца.

Зимой 1923/24 года подполковник фон Браухич, который позже станет главнокомандующим армией, устроил маневры с целью проверки возможностей моторизованных войск в части координации их действий с авиацией; эти упражнения привлекли внимание управления военной подготовки, и в итоге мне предложили должность преподавателя тактики и военной истории. Успешно пройдя тесты, я был отправлен на так называемую «инструкторскую стажировку». В рамках этой стажировки осенью 1924 года я попал в штаб 2-й дивизии в Штеттине (Щецин), которой командовал в то время генерал фон Чишвиц, снова ставший таким образом моим непосредственным командиром.

Однако перед тем, как попасть туда, я нес ответственность, под командованием преемника Чишвица на посту инспектора полковника фон Натцмера, за ряд занятий, как теоретических, так и полевых, целью которых являлось изучение возможностей применения танков, особенно по части разведывательных действий – во взаимодействии с кавалерией. Все, что у нас для этих целей имелось, были «бронетранспортеры пехоты», неуклюжие машины, дозволенные нам по Версальскому мирному договору. Они имели полноприводный двигатель, но ввиду большого веса использовать их на бездорожье было проблематично. Я результатами занятий остался доволен и в своем заключительном слове выразил надежду, что в наших силах превратить моторизованные части из вспомогательных в боевые. Правда, мой инспектор придерживался прямо противоположного мнения, заявив мне: «Какие к черту боевые? Они муку должны возить!» Да, так и было.

Итак, я отправился в Штеттин, чтобы обучать офицеров, которым предстояла штабная работа, тактике и военной истории. Новая должность подразумевала массу работы; аудитория была такая, что палец в рот не клади, поэтому все занятия надо было продумывать очень тщательно, принимая только взвешенные решения, а материал лекций должен был быть четким и ясным. Что касается военной истории, то я особое внимание уделял наполеоновской кампании 1806 года, которая в Германии незаслуженно игнорируется, несомненно, только из-за того болезненного поражения немцев, которым она завершилась; однако что касается командования войсками в условиях мобильной войны, это была очень поучительная кампания. Затрагивал я также и историю немецкой и французской кавалерии осенью 1914 года. Это тщательное изучение кавалерийской тактики 1914-го впоследствии оказалось полезным для развития моих теорий, в которых большое внимание уделялось тактическому и оперативному аспектам перемещений.

Поскольку я часто имел возможность выносить свои идеи на тактические учения и военные игры, мой непосредственный командир, майор Хёринг, упомянул об этом в моей характеристике. В результате после трех лет работы инструктором меня перевели обратно в военное министерство, в транспортное управление Труппенампта, под командование полковника Хальма, позже – подполковников Вегера и Кюне, являвшееся на тот момент частью оперативного управления. Моя должность была новой: я отвечал за перевозку солдат грузовиками. В общем, это и были все возможности наших военных машин на тот период. Мои работы над темой вскоре вскрыли ряд проблем, возникающих при такого рода транспортировке. Да, действительно, французы, особенно во время Первой мировой войны, достигли на этом поприще больших успехов, например в Вердене, но они при этом осуществляли переброску войск за линией более или менее статичного фронта, когда не требовалась одновременная переброска всей дивизии, включая конный транспорт и в первую очередь артиллерию. А в условиях мобильной войны, когда на грузовики пришлось бы грузить все имущество дивизии, включая

артиллерию, их потребовалось бы огромное количество. На эту тему вспыхивало немало жарких споров, и скептиков было больше, чем тех, кто верил в разумное рабочее решение.

Осенью 1928-го ко мне подошел полковник Штоттмайстер из учебного отдела моторизованных войск с просьбой прочесть его людям что-нибудь по танковой тактике. Мое начальство не возражало против такой дополнительной нагрузки. И я вернулся к своим танкам, пусть и в чисто теоретическом аспекте. Мне очень не хватало практического опыта обращения с танками; на тот момент я еще ни одного танка не видел изнутри. А теперь вот мне приходилось учить. Это в первую очередь требовало от меня тщательной подготовки и подробного изучения доступных материалов. Литература о последней войне была теперь доступна в огромных количествах, а в иностранных армиях материал ее был уже достаточно разработан и отражен в соответствующих руководствах¹. Это облегчило мне изучение теории танкового дела по сравнению с тем временем, когда я впервые попал в военное министерство. Что же касается практики, то полагаться приходилось в первую очередь на учебные упражнения с макетами. Сначала это были тряпичные макеты на каркасах, которые переносили пешие солдаты, но теперь это были уже макеты на колесах, с мотором, из листового металла. Так мы смогли проводить учения с макетами, спасибо подполковникам Бушу и Лизе и III (Шпандаускому) батальону 9-го пехотного полка, которым они командовали. Именно на таких учениях я и познакомился с человеком, с которым впоследствии мне предстояло очень тесно сотрудничать, – с Венком, который был тогда адъютантом III батальона 9-го пехотного полка. Мы приступили к систематической работе по изучению возможностей танка как отдельно действующей машины, возможностей танкового взвода, роты и батальона.

Как бы ограничены ни были наши возможности практического обучения, но мы все равно получали все более ясное представление о роли танка в современной войне. Особенно меня порадовала возможность съездить на четыре недели в Швецию и увидеть там в действии последний немецкий танк, «LK-II», и даже самому поуправлять им. (Немецкий танк «LK-II» производился в конце Первой мировой войны, но на фронт до конца войны попасть не успел. Его по частям продали в Швецию, где из этих частей и был собран в 1918 году первый шведский танк.)

В Швецию мы с женой ехали через Данию, где провели несколько захватывающих дней в Копенгагене и его прекрасных окрестностях. Большое впечатление на нас произвела красота скульптур Торвальдсена. А стоя на террасе в Эльсиноре, мы не могли не вспомнить гамлетовское «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!». Мы стояли на террасе, солнце золотило окрестности и рождало зеленоватый отсвет на бронзовых стволах старинных пушек. А призрак так и не появился.

Отчалив от Мотала на корабле, мы пересекли канал Гота и шведские озера. Вечером мы сошли с палубы, чтобы осмотреть красивый древний монастырь Врета Чирка. На следующий день нас встречала гордая архитектура Северной Венеции – Стокгольма.

Я был откомандирован в Стриджсваньский батальон. II батальон гвардейцев Гота, командир которого, полковник Бурен, был чрезвычайно дружелюбен. Я попал в роту капитана Клингспора, офицера, с которым у меня вскоре завязалась тесная дружба, продолжавшаяся до самой его смерти. Все шведские офицеры, с которыми я познакомился, относились к немецким гостям открыто и дружелюбно. Похоже, от нас ожидали, что их гостеприимство мы воспримем как должное. На полевых учениях нас всегда самым дружеским образом приглашали на постой.

С удовольствием и благодарностью я всегда буду вспоминать то приятное и полезное время, которое мне посчастливилось провести в Швеции.

¹ Английское учебное пособие того времени по бронированным боевым машинам было переведено на немецкий и много лет служило теоретическим руководством для развития наших идей.

В это же время, в 1929 году, я пришел к убеждению, что, действуя сами по себе или совместно с пехотой, танки никогда не приобретут решающего значения. Изучение военной истории, проводимые в это время в Англии учения и наши собственные тренировки с муляжами убедили меня, что танки не смогут в полной мере проявить всех своих достоинств, пока той же скоростью и проходимостью не начнут обладать и другие виды оружия, на поддержку которых танки могли бы полагаться. Танки играли бы в этих соединениях главную роль, а все прочие подчинялись бы их требованиям. Включать танки в пехотные дивизии было бы неправильно; требовалось создание бронетанковых дивизий, в которые входили бы и все вспомогательные части, необходимые для полноценного действия танков.

Во время летних учений без войск в 1929 году одно из упражнений я провел на тему применения такой воображаемой бронетанковой дивизии. Упражнение было выполнено успешно, я убедился, что стою на верном пути. Однако инспектор транспортных войск – в ту пору это был генерал Отто фон Штюльпнагель – запретил мне теоретизировать на тему бронетанковых соединений крупнее полка. По его мнению, танковые дивизии – это утопия.

Осенью 1929 года начальник штаба инспекции моторизованных войск, мой старый друг по Мюнхену полковник Лутц спросил, не хочу ли я стать командиром моторизованного батальона. Я согласился и 1 февраля 1931 года получил под командование 3-й Прусский моторизованный батальон в Берлин-Ланквитце. Этот батальон состоял из четырех рот: 1-я и 4-я находились там же, где и штаб батальона – в Берлин-Ланквитце, 2-я – в учебном округе Дёберниц – Эльсгрунд, а 3-я – на Нейссе (Ниса). 4-я рота была сформирована на базе эскадрона 3-го конно-транспортного батальона. Как только я заступил на должность, полковник Лутц помог мне с переоснащением: 1-я рота получила разведывательные бронеавтомобили, а 4-я – мотоциклы, так что вместе они составили ядро разведывательного батальона бронетехники. 2-я рота получила муляжи танков, а 3-я, на Нейссе, была реорганизована в противотанковую, причем в роли вооружения на этот раз снова выступали муляжи – деревянные орудия. 1-я рота обладала настоящими старыми бронемашинами, дозволенными нам по условиям Версальского договора, но во избежание износа на учениях мы использовали муляжи. Только мотоциклетная рота пользовалась реальной техникой и была вооружена пулеметами.

Вот с таким импровизированным подразделением я и занялся полевыми упражнениями. Я был рад действовать самостоятельно, пусть даже и командуя столь малым соединением. И солдаты и офицеры с энтузиазмом отнеслись к своим новым задачам – несомненно, это внесло приятное разнообразие в их жизнь после ежедневной монотонной службы по снабжению сотысячной армии. А вот мое руководство таким энтузиазмом не пылало. Инспектор транспортных войск настолько не верил в возможности нового соединения, что запретил нам проводить совместные учения с другими размещенными поблизости батальонами. На маневрах 3-й дивизии, в которую мы входили, нам не разрешалось действовать подразделениями более взвода. Единственным исключением был командир 3-й дивизии генерал Йоахим фон Штюльпнагель, который несколько лет назад звонил мне по поводу перевода меня в Мюнхен. Этому выдающегося офицера интересовали наши занятия, и он был к нам расположен. Он нам во многом помог. По окончании учений он настаивал на том, чтобы критика наших действий была конструктивной. К сожалению, весной 1931-го генерал Йоахим фон Штюльпнагель по собственной воле ушел в отставку из-за разногласий с военным министерством.

Той же весной нас покинул и наш инспектор, генерал Отто фон Штюльпнагель. На прощание он сказал мне:

– Вы слишком спешите. Поверьте, нам с вами немецких танков в действии не увидеть.

Он был умный человек, но слишком уж скептически настроенный. Он мог разглядеть проблему, но оказался не способен найти отправную точку, чтобы ее решить.

Его сменил бывший начальник его штаба генерал Лутц. Это тоже был умный человек с хорошим знанием тактики и блестящими организаторскими способностями. Он признал преимущества тех тактических новшеств, которые я отстаивал, и всецело встал на мою сторону. Он назначил меня начальником своего штаба, и осенью 1931-го я вступил в новую должность. За этим последовали годы тяжелой работы, иногда в стрессовых условиях, но годы эти оказались чрезвычайно плодотворными. Именно в эти годы появились наши бронетанковые войска.

Мы были абсолютно убеждены, что развивать бронетанковые войска следует в направлении создания из них решающего оружия. Соответственно, они должны составлять бронетанковые дивизии, а впоследствии и бронетанковые корпуса. Теперь проблема заключалась в том, чтобы убедить в верности нашего пути представителей других родов войск и главнокомандующего армией. Это было трудно, поскольку никто не верил, что моторизованные войска – которые выполняли служебные функции, и не более того! – способны играть серьезную роль в тактическом и даже оперативном отношении. Более старые рода войск, особенно пехота и кавалерия, оценивались как самые важные составляющие армии. Пехота все еще считалась «царицей полей». Нашей стотысячной армии не позволено было иметь танков, поэтому никто этого вида оружия, о котором было столько разговоров, не видел. А когда мы появились на маневрах со своими муляжами, они произвели на опытных бойцов столь убогое впечатление, что нас просто жалели и не принимали всерьез. В результате наши танки готовы были принять лишь как элемент поддержки пехоты, а не как новый полноценный род войск.

Основным нашим противником выступала инспекция кавалерии. Мой генерал осведомился, каким кавалеристы видят свое будущее – в роли разведывательных войск для других частей или в роли тяжелой кавалерии, сражающейся самостоятельно. Инспектор кавалерии, генерал фон Хиршберг, ответил, что планирует организацию тяжелой кавалерии. А вот оперативную разведку он явно хотел перепоручить моторизованным войскам. Поэтому для выполнения именно этой задачи мы и стали тренировать наш разведывательный бронетанковый батальон. А параллельно с этим мы боролись за создание танковых дивизий. В конце концов мы потребовали создания противотанкового батальона в каждой из пехотных дивизий, исходя из того, что если будет создаваться противотанковое оружие, то ему придется не уступать танкам в скорости и мобильности.

Однако генерала фон Хиршберга сменил генерал Кнохенхауэр, в прошлом пехотинец, и он явно не считал те уступки, на которые пошел по отношению к нам его предшественник, неисправимым шагом. Он создал кавалерийский корпус из трех кавалерийских дивизий стотысячной армии и попытался вернуть ведение оперативной разведки в сферу компетенции кавалерии, прибрав при этом к рукам наши технические нововведения. В ходе этого в наши подразделения должно было внедриться множество кавалерийских офицеров. Споры между нами иногда доходили до точки кипения. Но в конце концов новаторы победили реакционеров, двигатель внутреннего сгорания – лошадь, а пушка – пику.

Не меньшую важность представляла собой проблема материального оснащения, что позволило бы сменить теорию на практику. С технической стороны была проведена большая подготовительная работа. Начиная с 1926 года за рубежом существовал испытательный полигон, где можно было испытывать новые немецкие танки. Управление по делам вооружений армии заключило контракты с различными фирмами на производство двух типов средних и трех типов легких танков по тогдашней классификации. Было произведено по два образца каждого типа, так что всего мы имели десять танков. Средние танки имели в качестве вооружения 75-миллиметровые орудия, легкие – 37-миллиметровые. Эти образцы были выполнены не из броневых листов, а из малоуглеродистой стали. Максимальная скорость этих машин составляла 20 километров в час.

Ответственный за производство танков офицер, капитан Пирнер, немало вытерпел, чтобы добиться соответствия этих новых моделей современным требованиям, таким, как газо-

непроницаемость, эффективность работы двигателя, возможность кругового обстрела как для орудия в башне, так и для пулеметов, достаточно высокая посадка и хорошая маневренность. И в этом он по большей части преуспел. С другой стороны, плохо было то, что командиру танка приходилось сидеть рядом с водителем, откуда он не имел обзора назад, да и по бокам обзор частично закрывали передние траки: сиденье было расположено слишком низко. Радиосвязи тогда еще не было. В общем, хотя, с одной стороны, танки, построенные в 20-х годах, сильно отличались по техническим характеристикам от используемых в Первую мировую, но пока еще не соответствовали тактическим требованиям, предъявляемым к танкам для успешного выполнения предназначенной для них роли. Поэтому было нецелесообразно начинать массовое производство существовавших на тот момент моделей; требовалась разработка новых.

По нашему мнению, для оснащения танковых дивизий нам нужны были танки двух типов: легкие танки с бронебойной пушкой и двумя пулеметами, одним в башне и одним в корпусе, и средние танки с орудием большого калибра и двумя пулеметами, такими, как у легких танков. Легкие танки составляли бы три роты танкового батальона; средние – одну роту и выполняли бы двойную роль: поддержки легких танков в бою и расстреливания целей, находящихся вне досягаемости орудий легких танков. По поводу калибра орудий мы расходились во мнениях и с начальником управления по делам вооружений армии, и с инспектором артиллерии. И тот и другой считали, что 37-миллиметрового орудия вполне достаточно для легких танков, а я хотел, чтобы они укомплектовывались хотя бы 50-миллиметровым, потому что в ближайшем будущем можно было ожидать появления более тяжелой бронезащиты у иностранных танков. Однако, поскольку пехота уже укомплектовывалась 37-миллиметровыми противотанковыми орудиями, а выпускать два типа противотанковых орудий и снарядов было бы нежелательно с производственной точки зрения, нам с генералом Лутцем пришлось уступить. Для средних танков сошлись на 75-миллиметровом орудии. Полный вес этого танка не должен был превышать двадцати четырех тонн. Фактором ограничения в данном случае служила грузоподъемность мостов в Германии. Скорость, заложенная в технических характеристиках, составляла 40 километров в час. Экипаж танков обоих типов состоял из пяти человек: стрелок, заряжающий и командир – в башне (причем командир должен был сидеть над стрелком и иметь специальную командирскую башенку с круговым обзором), водитель и радист – в корпусе танка. Отдача команд экипажу должна была осуществляться посредством ларингофона. Планировалось также обеспечение радиосвязи между танками на ходу. Если сравнить эти требования с теми предыдущими, в соответствии с которыми были созданы вышеописанные модели, становится ясно, что необходимость этих серьезных конструктивных перемен была вызвана новым осмыслением тактической и оперативной роли танков.

Выдвигая эти долгосрочные планы, мы прекрасно понимали, что на то, чтобы получить боеспособные танки, потребуются годы. А пока нам нужен был учебный танк. Для этой цели нам послужили закупленные в Англии шасси «Карден-Ллойд», изначально предназначенные для установки на них 20-миллиметрового зенитного орудия. На башню, которую могла выдержать эта машина, ничего тяжелее пулемета установить нельзя было. Но зато уже в 1934 году мы имели бы готовый танк, хотя бы для того, чтобы было на чем тренироваться, пока не появятся настоящие танки. Поэтому был отдан приказ о поточном производстве этих машин, получивших название «Т-1». Никто и не думал в 1932 году, что когда-нибудь нам придется воевать силами этих маленьких учебных танков.

Трудности с производством основных типов танков, которые мы заказали, затянулись дольше, чем мы на то рассчитывали. В конце концов генерал Лутц согласился на промежуточный вариант – танк «Т-П» с 20-миллиметровой пушкой и одним пулеметом, производства компании «MAN».

Летом 1932 года генерал Лутц впервые организовал учения с участием как усиленных пехотных полков, так и танковых батальонов (укомплектованных конечно же муляжами) в учебных округах Графенвёр и Ютербог. Впервые после подписания Версальского договора на маневрах того года появились немецкие разведывательные бронеавтомобили, построенные, согласно нашим спецификациям, из стального броневых листа на шасси от трехосного грузовика. Школьников, привыкших уже протыкать брезентовые стенки наших макетов карандашами, чтобы посмотреть, что там внутри, на этот раз постигло разочарование, впрочем, как и пехотинцев, которые для обороны от наших предыдущих «танков» уже наловчились использовать палки и камни, а теперь почувствовали на себе, как презираемые ими машины вытесняют их с поля боя. Против бронированных машин бессильными оказались даже штыки.

Эти маневры стали испытанием готовности бронированных и моторизованных частей к оперативным действиям. Со стороны кавалеристов было много необоснованной критики, но в целом наш успех был столь очевиден, что ей не придали значения. Да и среди кавалеристов многие из тех, кто помоложе и подальновиднее, стали проявлять интерес к нашему нововведению и принимать нашу сторону, понимая, что в наше время старые добрые принципы ведения кавалерийских сражений применимы лишь в том случае, если кавалерия примет новое вооружение и новые методики.

Маневры 1932 года оказались последними, на которых присутствовал престарелый фельдмаршал фон Гинденбург. На окончательном разборе он произнес короткую речь, и я был поражен той точностью, с которой старик указал на все совершенные ошибки. Когда речь зашла о кавалерийском корпусе, Гинденбург сказал так:

– На войне побеждает простота. Я был в штабе кавалерийского корпуса – простотой там и не пахнет.

И он был совершенно прав.

В 1933 году Гитлер стал канцлером, и в политике рейха, как внешней, так и внутренней, наступили перемены. Впервые я увидел и услышал Гитлера на открытии Берлинской автомобильной выставки в начале февраля. Странно было, что канцлер лично открывал выставку. И слова его шокировали непохожестью на привычные речи министров и канцлеров по подобным поводам. Он объявил об отмене налога на автомобили, говорил о новых автострадах и о «фольксвагене» – будущем дешевом массовом «народном автомобиле».

Назначение военным министром генерала фон Бломберга, а начальником министерского управления генерала фон Рейхенау тотчас же сказалось на моей работе. Оба этих генерала благоволили нововведениям, так что идея создания бронетанковых сил была встречена с симпатией, по крайней мере в высших кругах вермахта. Кроме того, вскоре стало ясно, что и самого Гитлера интересуют вопросы моторизации и бронетехники. Первое тому подтверждение я получил в Куммерсдорфе, где проводилось собрание под эгидой управления по делам вооружений армии с целью продемонстрировать новинки вооружения; мне предоставили полчаса для описания канцлеру положения дел с моторизованными частями. Я показал мотоциклетный взвод, противотанковый взвод, экспериментальный на то время взвод танков «Т-1» и по одному взводу легких и тяжелых бронеавтомобилей разведки. На Гитлера скорость и точность передвижения наших частей произвели большое впечатление, и он все повторял: «Вот что мне нужно!» По итогам этой демонстрации я был убежден, что глава правительства одобрит мои предложения по организации современного вермахта, если мне только дадут возможность изложить ему свои взгляды. Препятствовали этому главным образом жесткость армейских протоколов и противодействие высших армейских чинов – стоявших между мной и Бломбергом офицеров Генерального штаба.

Кстати, о немецких политиках: примечательно, что последним канцлером, у которого имелось достаточно интереса к вопросам развития военной техники, чтобы приехать в Куммерсдорф, был князь Бисмарк в 1890 году. С тех пор до Гитлера ни один канцлер вообще не

появлялся здесь. Это подтвердили и записи в книге посетителей управления по делам вооружений армии, когда глава управления, генерал Бекер, попросил Гитлера расписаться в ней. Да, «милитаристской» политика Германии явно не была.

21 марта 1933 года рейхстаг открылся церковной службой в Потсдамской гарнизонной церкви.

23 марта за службой последовал знаменитый Акт о власти, принятый с одобрения Национального фронта и Партии Центра, по которому новый канцлер получал все права диктатора. С похвальной храбростью депутаты от социал-демократов голосовали против; не многие понимали тогда, какие несчастья принесет впоследствии этот акт. На тех же, кто голосовал за Акт о власти, лежит полная ответственность за все, что произошло впоследствии.

Летом 1933-го глава моторизованного корпуса национал-социалистов Адольф Хюнлейн пригласил меня на праздничную встречу лидеров его организации, на которой ожидался сам Адольф Гитлер. Мне показалось интересным увидеть Гитлера в кругу поклонников. Поскольку сам Хюнлейн был достойным человеком, с которым легко было работать, я принял его приглашение. Гитлер произнес речь об истории революций, блеснув при этом неплохим знанием истории, и в своей речи, длившейся несколько часов, наглядно показал, что каждая революция, по достижении своих целей и прошествии времени, должна смениться процессом эволюции. Именно сейчас, утверждал он, и настал такой момент для революции национал-социалистов. Он призвал своих последователей иметь это в виду. Оставалось только надеяться, что его указания будут приняты к выполнению.

Процесс создания бронетанковых войск уже пошел, и за 1933 год был достигнут значительный прогресс. Экспериментальные и тренировочные учения с муляжами в большой степени прояснили вопросы взаимодействия между различными видами вооружений и укрепили меня в убеждении, что танки только в том случае смогут полностью выполнить свою роль в современной армии, если их рассматривать как часть главного оружия и снабдить полной поддержкой вспомогательных моторизованных частей.

Если тактическое развитие было налицо, то ситуация с техническим оснащением беспокоила все больше. Одним из последствий нашего разоружения по Версальскому договору стал тот факт, что наша промышленность вот уже много лет не производила военной продукции; в результате не хватало не только опытных рабочих, но и производственного оборудования, чтобы воплотить наши намерения. Особенно большой проблемой было производство достаточно прочного броневоего листа. Те, что были выпущены, сразу разлетались, как стекло.

Немало времени заняло и выполнение наших требований по части радиосвязи и оптики – надо признать, самых технически сложных областей. Однако я никогда не пожалею об усилиях, затраченных на то, чтобы обеспечить нашим танкам качественный визуальный обзор и радиосвязь. В отношении последней мы до конца превосходили противника, и это в некоторой степени компенсировало наше отставание по другим аспектам.

Осенью 1933 года командующим сухопутными войсками был назначен генерал барон фон Фрич. Во главе армии встал человек, которому полностью доверял офицерский корпус. Это был человек благородной, рыцарской души и вместе с тем умный, осторожный солдат с основательными тактическими и оперативными взглядами. Он не очень хорошо разбирался в технике, но всегда был готов без предрассудков воспринимать свежие идеи и принимать их, если они казались ему правильными. В результате мне было легче обсуждать с ним вопросы развития бронетанковых войск, нежели с кем-либо еще из Верховного командования армии. В бытность начальником 1-го управления Труппенамта стотысячной армии, он уже проявлял интерес к бронетехнике и моторизации и посвятил некоторое время изучению танковых дивизий. На той высокой должности, которую он занимал теперь, он продолжал выказывать не меньшую заинтересованность в нашем деле. Вот показательный эпизод, говорящий о его манере

вести дела. Я изложил ему некоторые технические проблемы производства танков. Он недоверчиво сказал мне:

– Вы ведь должны знать, что техники всегда врут.

Я ответил:

– Вполне возможно, но, когда они врут, это обнаруживается уже через год-два – после провала попыток реализовать их идеи. А тактики тоже врут, только вот их ложь обнаруживается после поражения в войне, когда уже слишком поздно.

Фрич покрутил в руках монокль, как он это часто делал, и ответил:

– Может быть, вы и правы...

На больших собраниях он был чрезвычайно сдержан и даже застенчив, но, будучи среди друзей, которым он полностью доверял, Фрич был открыт и доступен. У него было замечательное чувство юмора, когда он того хотел, и очаровательная манера поведения.

Вот новый начальник Генерального штаба, генерал Бек, был куда более трудной для общения личностью. Это был благородный человек, спокойный, даже чересчур спокойный по характеру, рассудительный офицер старой школы, ученик Мольтке. Именно по инициативе Бека и с одобрения Мольтке в новой армии Третьего рейха был возрожден Генеральный штаб. Технических требований современности он не понимал. А поскольку на наиболее важные должности в Генеральном штабе он неизбежно отбирал людей со схожими взглядами, а в свое близкое окружение – тем более, то со временем, сам того не желая, он воздвиг реакционный барьер в самом сердце армии, преодолеть который оказалось крайне сложно. Он не одобрял планов создания бронетанковых войск, считая, что танки должны использоваться в первую очередь для поддержки пехоты, и соглашался на создание танковых подразделений не крупнее бригады. В формировании танковых дивизий он заинтересован не был.

Мне пришлось долго воевать с генералом Бекем, прежде чем он согласился учредить бронетанковые дивизии и издать печатные учебные пособия для танковых войск. В конце концов он дошел даже до того, что согласился на создание двух танковых дивизий, хотя я к тому времени настаивал уже на трех. Я описал ему преимущества этих новых соединений в самых радужных тонах, особенно их оперативную ценность. На это он ответил: «Нет, не хочу иметь с вами никакого дела. Вы для меня слишком шустрые». Когда же я объяснил ему, что радиосвязь позволяет командовать войсками при любой скорости их продвижения, он мне не поверил. В наших учебных пособиях неоднократно подчеркивалось, что командиры подразделений должны находиться как можно ближе к месту боев. Ему это тоже не нравилось. «Невозможно командовать, не имея карт и телефона. Вы что, никогда Шлиффена не читали?» То, что даже командир дивизии должен находиться по возможности впереди, едва не сталкиваясь с неприятелем, было для него уж чересчур.

Даже если забыть про все связанное с танковыми войсками, Бек тормозил решение всех военных и политических вопросов. Его участие парализовывало любое дело. Он всегда предвидел все трудности и требовал времени на обдумывание. Показательна в этом смысле придуманная им тактика «сдерживающей обороны». О «сдерживающем бое» мы что-то читали в учебниках еще перед Первой мировой; в стотысячной же армии принцип «сдерживающей обороны» стал главенствующим. «Сдерживающая оборона» Бека изучалась в обязательном порядке всеми подразделениями вплоть до стрелковых. Это был поразительно бестолковый способ ведения боя, и случаев, когда он приносил бы успех, мне не встречалось. После создания бронетанковых дивизий Фрич устранил всю эту концепцию.

Весной 1934 года был учрежден командный штаб моторизованных войск; начальником службы был назначен генерал Лутц, а я взялся за обязанности начальника его штаба. Кроме того, Лутц продолжал оставаться инспектором моторизованных войск, а также начальником 6-го оружейного управления общеармейской службы министерства обороны (Waffenabteilung In 6 im Allgemeinen Heeresamt dew RWM).

В это время Гитлер нанес свой первый визит Муссолини, в Венецию, и результаты были явно неудовлетворительными. По возвращении он выступил перед собранием генералов, лидеров партии и СА² в Берлине. Лидеры СА отреагировали на его речь довольно холодно. Уходя, я слышал фразы типа «Адольфу надо от этого отучаться». Таким образом я, к собственному изумлению, обнаружил, что внутри партии существуют свои глубокие разногласия. 30 июня эта загадка разрешилась. Начальник штаба СА Рём и многие другие лидеры СА были убиты, а с ними заодно – еще множество мужчин и женщин, не имевших с СА ничего общего, чьим единственным преступлением, насколько мне известно, было оппозиционное отношение к партии. Среди убитых были бывший министр обороны и канцлер, генерал фон Шлейхер, его жена и его друг и коллега генерал фон Бредов. Попытки открытого оправдания убитых генералов результатов не дали. Лишь старик фельдмаршал фон Макензен объявил в 1935-м на Шлиффеновском ужине (ежегодной встрече действующих и бывших офицеров Генерального штаба), что честь обоих была незапятнанной. Заявления Гитлера в рейхстаге по поводу произошедшего были явно недостаточными. Надеялись на то, что партия скоро выйдет из периода «болезней роста». Сейчас, задним числом, остается только пожалеть, что руководство армии не потребовало полного удовлетворения. Если бы они это сделали, то оказали бы огромную услугу не только себе, но и всем вооруженным силам и всему немецкому народу.

2 августа 1934 года Германия понесла тяжелую утрату. Умер фельдмаршал Гинденбург, покинув свой народ в разгар внутренней революции, последствий которой тогда никто не мог предугадать. Я в тот день писал жене:

«Старика больше нет. Мы все опечалены этой непоправимой утратой. Он был отцом для всей страны, а для вооруженных сил – в особенности, и нам предстоит нелегкий и долгий период, пока не заполнится эта брешь в жизни нашей страны. Само его присутствие значило для иностранных держав больше, чем любые письменные договоренности и красивые слова. Мир верил ему. Все мы, любившие и уважавшие Гинденбурга, много потеряли с его смертью.

Завтра нам предстоит присягать Гитлеру. Нелегкие последствия может иметь эта присяга! Дай Бог, чтобы она в равной степени обязала обе стороны служить благу Германии. Армия привыкла хранить верность своим клятвам. Да удастся же ей и в этот раз сдержать свое слово! [...] Сейчас требуется честно и много работать, соблюдая умеренность в словах».

Эти слова, написанные 2 августа 1934 года, выражают не только мое мнение, но и мнение множества моих товарищей и большей части всего немецкого народа.

7 августа 1934 года немецкие солдаты принесли гроб с телом бессмертного фельдмаршала и президента на кладбище Танненберга. Прозвенели прощальные слова Гитлера: «Павший воин! Вальхалла принимает тебя!»

Уже 1 августа на основании Акта о власти канцлер и его кабинет объявили, что в случае смерти Гинденбурга администрация президента сольется с администрацией канцлера. В результате 2 августа Гитлер стал одновременно и главой государства, и главнокомандующим вооруженными силами. Поскольку поста канцлера он не терял, то вся власть объединилась в его руках. Так началась не ограниченная ничем диктатура.

Упорно проработав в течение всей зимы, в марте 1935-го мы узнали, что Германия вновь обрела право на военное самоопределение. Эта новость, означавшая отмену унижительных положений Версальского договора, обрадовала каждого солдата. День памяти героев в тот год начался с парада представителей всех родов войск в присутствии фельдмаршала фон Макензена, и там впервые появилось несколько батальонов новоявленных бронетанковых войск, правда, без танков, поскольку парад был пеший. При подготовке к параду участие в нем танкистов было под вопросом, поскольку, по словам ответственного офицера, «у них карабины

² SA – Sturmabteilungen, штурмовики нацистской партии.

короткие, они не смогут правильно взять на караул». Несмотря на этот вопиющий недостаток наших солдат, я все же смог добиться их участия в церемонии.

16 марта того же года меня пригласил к себе на званый вечер английский военный атташе. Незадолго до выхода из дома я включил радио и услышал трансляцию правительственного сообщения. Это был указ о введении снова всеобщей воинской повинности в Германии. Беседа моя в тот вечер с английским другом и его шведским коллегой выдалась особенно оживленной. Оба этих господина с пониманием отнеслись к тому удовлетворению, с которым я воспринял эти прекрасные для немецкой армии новости.

Теоретически целью нашего ускоренного вооружения было достижение паритета с тяжеловооруженными соседями. Практически же – по крайней мере, что касается танковых частей – о том, чтобы даже приблизиться к их уровню, пока и речи быть не могло, ни по количественным, ни по качественным показателям. Поэтому компенсировать эту слабость нам приходилось превосходством в организации и управлении. В частности, мы рассчитывали, что нашу малочисленность компенсирует концентрация всех небольших пока сил в крупные соединения, скажем, в дивизии, и объединение этих соединений в танковый корпус.

Прежде всего предстояло убедить свое военное начальство, что предлагаемое нами не только осуществимо, но и достойно осуществления. С этой целью командование моторизованных войск, учрежденное в июне 1934-го, с генералом Лутцем во главе, устроило четырехнедельные учения импровизированно собранной из имеющихся соединений танковой дивизии.

Учения должны были состояться летом 1935-го. Командиром этой учебной дивизии должен был стать генерал барон фон Вейхс. Дивизии предстояло собраться в тренировочном округе Мюнстер-Лагер и проводить систематические тренировочные занятия в четырех различных тактических ролях. На этот раз мы намеревались не обучать командиров подчиненных соединений решать собственные тактические задачи, а просто показать, что перемещение и боевое применение крупных танковых частей, вместе с сопутствующим оружием, возможно в принципе. Генералы фон Бломберг и барон фон Фрич с большим интересом следили за ходом этих учений. Гитлера, которого генерал Лутц тоже приглашал попристутствовать на учениях, удержало пассивное сопротивление его военного адъютанта.

Результаты как самих учений, так и произведенного ими впечатления оказались весьма удовлетворительными. Когда желтый шар, знаменующий окончание учений, взмыл в небеса, подполковник фон Фрич шутливо заметил: «Не хватает одной детали. Надо было на шаре написать «Танки Гудериана лучше всех!». Генерал Лутц был назначен командующим новоучрежденным командованием бронетанковых войск. Мы думали, что наше командование получит те же права, что и верховные командования других родов войск, но этого не дал сделать начальник штаба армии генерал Бек.

15 октября 1935 года были сформированы три танковые дивизии:

1-я бронетанковая дивизия в Веймаре под командованием генерала барона фон Вейхса;

2-я бронетанковая дивизия в Вюрцбурге под командованием полковника Гудериана;

3-я бронетанковая дивизия в Берлине под командованием генерала Фессмана.

Более подробно об организации танковых дивизий в 1935 году см. приложение 24.

В начале октября я уехал из Берлина, сменив положение в центре событий на практику войсковой службы. Я знал, что оставляю командование бронетанковых войск в надежных руках генерала Лутца. Однако можно было с уверенностью заявить, что противодействие со стороны определенных лиц Генерального штаба будет возрастать и неизвестно, справится ли с этим давлением мой преемник на посту начальника штаба³. Оставались сомнения и насчет того, сможет ли инспекция бронетанковых войск в Верховном командовании сухопутных войск (ОКХ), на

³ Преемником этим стал полковник (позже фельдмаршал) Паулюс, командовавший немецкими войсками под Сталинградом в 1942-м и захваченный там в плен.

котором теперь лежала ответственность за отстаивание наших интересов перед начальником Общего управления ОКХ, и дальше держаться выбранной линии. В обоих случаях произошло именно то, чего я боялся. Начальник Генерального штаба восторжествовал, и стали вместо дивизий формировать танковые бригады с целью обеспечения непосредственной поддержки пехоты. Уже в 1936 году с этой целью была создана 4-я танковая бригада. Кроме этого, препятствием на пути дальнейшего формирования танковых дивизий стало создание под давлением со стороны кавалерии, стремившейся сохранить управление и танковыми частями, трех так называемых «легких» дивизий, каждая из которых состояла из двух мотострелковых полков, разведывательного полка, артиллерийского полка, танкового батальона и массы вспомогательных подразделений.

Помимо «легких» дивизий были сформированы также и четыре мотопехотные дивизии – это были обычные пехотные дивизии, только полностью моторизованные, для чего потребовалось большое количество автотранспорта. Так появились XIV армейский корпус мотопехотных дивизий и XV армейский корпус «легких» дивизий, а бронетанковые войска преобразовались в XVI армейский корпус, состоящий из трех танковых дивизий. Все эти три корпуса в итоге были объединены в 4-ю командную группу под командованием генерала фон Браухича, на которого и легла ответственность за их дальнейшее развитие.

Представители различных ветвей рода войск получили собственные цвета, которые использовались для окантовки погон и т. д. До сих пор для всех бронетанковых войск этот цвет был единым – розовым, теперь розовый цвет остался только цветом танковых полков и противотанковых батальонов. Цвет разведывательных батальонов бронетехники сменили сперва на желтый, а затем на коричневый; солдаты стрелковых полков и мотострелки бронетанковых дивизий получили зеленый цвет; полки кавалерийских стрелков «легких» дивизий продолжали носить кавалерийский желтый, а бойцы мотопехотных полков – пехотный белый. Естественно, что это привело к увеличению трений с пехотной и кавалерийской инспекциями.

Я глубоко сожалел о таком разбросе наших моторизованных и бронетанковых войск, но в тот момент ничего не мог сделать, чтобы предотвратить подобное развитие событий. Лишь позже можно было частично исправить нанесенный этим вред.

Ограниченность наших ресурсов в сфере моторизации еще больше усугублялась различными организационными ошибками других родов войск. К примеру, начальник общевойсковой службы генерал Фромм издал приказ, что все четырнадцать противотанковых рот всех пехотных полков должны быть моторизованы. Когда я попытался объяснить, что эти роты, которым приходится взаимодействовать с пешими солдатами, лучше оставались бы со своей конной тягой, он ответил: «Солдатам тоже надо предоставить машины». Моя просьба о том, что лучше бы вместо этих четырнадцати рот моторизовать батальоны тяжелой артиллерии, была отвергнута. Тяжелая артиллерия так и осталась на конной тяге, что очень тяжело сказало в последующей войне, особенно на территории России.

Развитие гусеничной техники для вспомогательных частей никогда не шло теми темпами, как нам бы того хотелось. Ясно было, что эффективность танков значительно возрастет, если пехота, артиллерия и прочие дивизионные части смогут наравне с ними продвигаться по пересеченной местности. Нам требовались легкие бронированные автомобили на полугусеничном ходу для стрелков, военных инженеров и медиков, самоходные орудия с бронезащитой и различные типы танков для разведки и связистов. Этой техникой дивизии так никогда и не были до конца оснащены. Несмотря на рост производства, возможностей немецкой промышленности так никогда и не хватило на то, чтобы полностью удовлетворить требования и моторизованных частей вермахта, и ваффен-СС, и самого народного хозяйства. Несмотря на все предостережения специалистов, Верховное командование ни разу не попыталось наложить ограничения на жадность отдельных лиц, облеченных властью. Я еще вернусь к этому вопросу при рассказе о военных событиях 1941-го.

Я в это время находился со своей дивизией в Вюрцбурге и ко всем этим вопросам имел лишь косвенное отношение. Моя работа состояла в комплектации и обучении моих новообразованных подразделений, которые представляли столь различные между собой области военного дела. Зима 1935/36 года особыми событиями отмечена не была. Вюрцбургский гарнизон под командованием генерала Брандта принял меня дружелюбно, как и жители города и окрестностей. Я получил маленький домик на Бёкельштрассе с прекрасным видом на город, раскинувшийся в долине Майна; из наших окон видны были форт Мариен и Кеппеле, шедевры архитектуры барокко.

Весной 1936 года мы были удивлены решением Гитлера занять Рейнскую область. С военной точки зрения эта операция представляла собой лишь жест, так что танковые войска там не требовались. Моя дивизия все же была поднята по тревоге и переброшена в учебный округ в Мюнзигене, но танковой бригады это не касалось, и она осталась на месте во избежание ненужных трений. Через несколько недель вся дивизия вернулась в свое прежнее расположение.

1 августа меня удостоили звания генерал-майора. Единственным танковым подразделением, допущенным к осенним маневрам в том году, стал 4-й бронетанковый полк из Швайнфурта. Использование одного-единственного полка в общем составе пехотной дивизии конечно же не дало четкого представления о наших боевых возможностях.

Одним из гостей, приглашенных на маневры, был генерал-полковник фон Зеект, недавно вернувшийся с Дальнего Востока; я имел честь рассказать ему о новых бронетанковых войсках, о которых он раньше никогда не слышал. Также мне удалось пообщаться и с представителями прессы, которых тоже пригласили, и рассказать им об организации и боевых методах нового рода войск.

1937 год прошел мирно. Мы занимались учебной программой, кульминацией которой стали маневры дивизионного масштаба в учебном округе Графенвёр. Под руководством генерала Лутца за зиму 1936/37 года я подготовил книгу, которая была опубликована под названием «Achtung! Panzer!» («Внимание, танки!»); в ней описывалась история развития бронетанковых войск и излагались основные представления о том, какими должны быть будущие бронетанковые войска Германии. Мы надеялись, что книга пробудит интерес к нашим планам у более широкого круга общественности, а не только у тех, кому приходится иметь дело с танками по долгу службы. Кроме того, я побеспокоился о том, чтобы наша точка зрения попала в специализированную военную прессу с опровержением аргументов наших противников. Вскоре статья с выражением наших взглядов появилась в журнале Национального союза немецких офицеров от 15 октября 1937 года. Я хотел бы привести ее здесь, потому что она хорошо показывает наши усилия и господствовавшую в тот период борьбу мнений.

Танковая атака – огонь и движение

У неспециалистов, представляющих себе танковую атаку, тут же встают перед глазами стальные чудовища Камбре и Амьена, какими их изображала пресса того времени: вспоминаются километры проволочных заграждений, смятых, как соломенные; снесенные блиндажи, раздавленные пулеметы и тот ужас, который внушали танки, пропахивая поле боя, полыхая пламенем из выхлопных труб. Так этот «танковый террор» описывали в качестве причины нашего поражения 8 августа 1918 года. Такая «тактика парового катка» – это лишь один, причем не самый основной, способ применения танков, но события последней войны настолько прочно засели в умах многих критиков, что возник совершенно фантастический образ танковой атаки, при которой танки собираются вместе в огромном количестве и равномерно едут вперед, перемалывая врага гусеницами (и представляя собой идеальную мишень для артиллерии и противотанкового огня), везде, где бы ни приказало командование, вне зависимости от характера местности. Огневую мощь танков принято недооценивать; танки принято считать слепыми и глухими и отказывать им в способности отстаивать захваченную местность. А вот противотанковую оборону, с другой стороны, принято оценивать чрезвычайно высоко: считается, что танки никогда не захватят обороняющихся врасплох, что противотанковая артиллерия всегда будет подбивать танки, вне зависимости от собственных потерь, дыма, тумана, деревьев или иных препятствий и рельефа местности. Почему-то подразумевается, что танки пойдут именно там, где оборудованы рубежи противотанковой обороны, что бинокли бойцов противотанковых частей помогают им видеть сквозь темноту и дымовую завесу, а каски не мешают им слышать каждое слово.

Из вышеописанной картины несложно сделать вывод, будто бы у танковых атак будущего нет. Стоит ли отбросить танки, и, по словам одного из критиков, считать «танковый период» делом прошлого? Если да, то вместе с танками можно отбросить и беспокойство по поводу новых тактик для старых родов войск и вернуться к старой доброй позиционной войне образца 1914—1915 годов. Только не очень-то разумно прыгать в темноту, не зная, куда приземлишься. Пока наши критики не придумают лучшего способа успешной наземной атаки, который не был бы самоубийственным, мы будем продолжать утверждать, что танки – при правильном их применении, естественно, – являются сегодня наилучшим средством наземной атаки. Чтобы с большим основанием рассуждать о перспективах танковой атаки, приведем некоторые принципиальные характеристики современных танков.

Бронезащита

Все танки, предназначенные для серьезных боевых действий, имеют бронезащиту, как минимум, достаточную для того, чтобы быть непроницаемой для бронебойных пулеметных пуль. Но чтобы противостоять противотанковым орудиям и неприятельским танкам, такой защиты мало; поэтому в так называемых «странах-победительницах» Первой мировой войны и наращивают броню своих танков. К примеру, чтобы пробить броню французского танка «2С», требуется орудие, как минимум, 75-го калибра. Если армия окажется способной пустить в первой волне атаки неуязвимые для оборонительных орудий противника танки, то самый опасный противник окажется поверженным, будут разгромлены и пехота, и инженерные части неприятеля, поскольку, после уничтожения противотанковой артиллерии, последних смогут расстрелять и легкие танки. Однако если у обороняющихся окажутся орудия, способные пробивать броню имеющихся у нападающей стороны танков, и эти орудия будут правильно и вовремя использованы, то за свою победу танкам придется дорого заплатить, а возможно даже, что этой победы и не будет, если оборона достаточно сконцентрирована и эшелонирована. Борьба брони и снаряда идет уже тысячи лет, и с ней знакомы не только танковые войска, но и гарнизоны крепостей, моряки, а в последнее время – и летчики. Сам факт существования этой борьбы, идущей с переменным успехом, еще не говорит о бесполезности танков как средства ведения наземной войны, потому что иначе нам придется просто бросать солдат в атаку без какой-либо иной защиты, кроме суконных мундиров времен Первой мировой войны, а эта защита уже тогда доказала свою несостоятельность.

Движение

Было сказано, что «лишь в движении – победа»⁴. Мы с этим совершенно согласны и хотим доказать истинность этого утверждения с помощью современных технических средств. Движение приводит войска в контакт с неприятелем: для этой цели можно использовать ноги людей или лошадей, рельсы железной дороги или – в последнее время – моторы автомобиля и аэроплана. Когда контакт с неприятелем уже установлен, движение обычно останавливает его огонь. Чтобы этого не происходило, противника следует либо уничтожить, либо подавить, либо выбить со своих позиций. Это можно сделать путем артобстрела, более мощного, чем противник сам может себе позволить. Обстрел со статичных позиций имеет строго установленный сектор поражения. В этом секторе пехота может чувствовать себя под прикрытием; когда доходит до действий за его пределами, артиллерия должна переместиться, чтобы можно было продолжать наступление. Для такого ведения боя требуется много орудий и еще больше боеприпасов. Подготовка к такого рода атаке занимает много времени, и замаскировать ее очень сложно. О такой важной составляющей успеха, как внезапность, можно просто забыть. Причем даже если подготовка к атаке и пройдет незамеченной неприятелем, все равно с момента ее начала противник успеет подтянуть к месту ее проведения резервы, – ведь резервные войска стали моторизованными, и создание новых оборонительных рубежей облегчилось; получается, что шансы на успех у наступления, основанного на взаимодействии по расписанию артиллерии и пехоты, сейчас еще меньше, чем в последнюю войну.

Поэтому все сейчас зависит от следующих факторов: двигаться быстрее, чем раньше, уметь продвигаться, несмотря на оборонительный огонь противника, не давать ему создавать новых защитных позиций и проникать как можно дальше в глубь его укреплений. Сторонники развития танковых войск считают, что при благоприятных обстоятельствах у них есть все данные для достижения этих целей; скептики же утверждают, что, поскольку, в отличие от 1918 года, элемент неожиданности в применении танков сейчас отсутствует, то вместе с ним исчезли и «условия для успешного проведения танковой атаки»². Но действительно ли танковая атака сейчас не способна застать противника врасплох? Разве внезапность атаки зависит от того, старыми или новыми техническими средствами она осуществляется? В 1916 году генерал фон Куль предложил Верховному командованию при совершении прорыва придавать первостепенную важность элементу внезапности при начале наступления³, и никаких новых методов ведения боя к этому привнесено не было, однако мартовское наступление 1918 года имело выдающийся успех. Если же к обычным методам обеспечения внезапности при атаке добавить новые виды вооружений, то элемент внезапности многократно возрастет; но сам факт наличия нового оружия этого не гарантирует. Мы полагаем, что танковое наступление позволит перемещаться с большей скоростью, чем ранее, и, это еще важнее, – движение можно будет продолжать и после осуществления прорыва. Мы считаем, что движение можно не останавливать при соблюдении нескольких условий, от которых зависит успех современной танковой атаки, среди них – концентрация войск в подходящей местности, наличие бреши в обороне противника и отсутствие у противника танковых войск равной силы. Когда нас обвиняют в том, что далеко не во всех условиях мы можем успешно атаковать, например, не можем с помощью вооруженных одними лишь пулеметами танков штурмовать крепости, нам остается только развести руками, упомянув о том, что другие рода войск обладают во многих отношениях еще меньшей атакующей способностью. Мы не говорим, что мы всемогущи.

⁴ 1-ю Militär-Wissenschaftliche Rundschau («Обзор военной науки») за 1937 год, том 3, с. 326, 362, 364, 368, 372, 374. Авторство этой публикации принадлежит Генеральному штабу.

Утверждается, «что оружие наиболее эффективно, лишь пока оно новое и пока против него не придумано эффективных контрмер»⁴. Бедная артиллерия! Ей уже сотни лет. Бедная авиация! Возраст и ей дает о себе знать, поскольку появились зенитные орудия. На наш взгляд, эффективность любого оружия – относительное качество, которое зависит от эффективности принимаемых против него контрмер. Если танки встретятся с превосходящим противником – в лице вражеских танков или противотанкового оружия, – то будут разбиты, их эффективность окажется недостаточной; если произойдет обратное – они одержат победу. Успех каждого оружия зависит не только от силы, ему противостоящей, но и от решимости его владельца извлечь моментальную, наибольшую пользу из последних достижений техники и пребывать, таким образом, на высоте своего времени. С этой точки зрения танки не превзойдены. Сказано: «Снаряды артиллерии обороняющихся летят быстрее атакующих эту артиллерию танков»⁵. С этим никто не спорит. Еще не так давно, в 1917-м и 1918 годах, можно было сконцентрировать сотни танков непосредственно позади передовых линий пехоты, чтобы они прошли сквозь линию оборонительного огня противника, расчистили путь для десятков пехотных и кавалерийских дивизий противника, и, более того, проделали все это безо всякой предварительной артиллерийской подготовки, то есть при действующей артиллерии противника. Лишь при наличии чрезвычайно неблагоприятных условий артиллерия обороняющихся могла нанести танкам сколько-нибудь серьезный ущерб, а когда танки достигали артиллерийских позиций, пушки вскоре замолкали и не могли повредить уже и наступающей вслед за танками пехоте. Даже распределение орудий по всем опасным местам без исключения не помогло в последней войне. Оборонительный обстрел поднимал в воздух кучи пыли и дыма, что мешало обзору танков, но это было всего лишь неудобство, с которым приходится сталкиваться и в мирное время. А сейчас танки могут двигаться и ночью, и в тумане – они снабжены компасами.

В наступлении, основанном на успешном танковом броске, «творцом победы» является не пехота, а сами танки, поскольку если танковый бросок оканчивается неудачей, то и вся операция становится провальной, а если танкам сопутствует успех, то вот она – победа!

Огонь

Бронезащита и движение – это лишь две боевые характеристики танка как оружия; третьей, самой важной, является огневая мощь.

Танковые орудия способны стрелять как на ходу, так и с места. В обоих случаях орудие наводится напрямую. Если танк стреляет с места, то можно быстро определить расстояние до цели и поразить ее с минимальным расходом боеприпасов. Если же танк находится в движении, то из-за проблем с обзором распознавание целей затрудняется, но до определенной степени это компенсируется высоким положением орудия относительно земли, что особенно ценно на заросшей местности; так что высокий силуэт танка, который так часто подвергался критике как «легкая мишень», имеет свои преимущества для стрелка-танкиста. Если необходимо стрелять на ходу, то на небольшом расстоянии точность стрельбы достаточно высока, но она уменьшается с увеличением расстояния до цели, увеличением скорости движения танка или на неровной местности.

В любом случае в наземных сражениях танк обладает уникальной возможностью одновременно и наступать на врага, и нести с собой свою боевую мощь, несмотря на то что вражеские пушки и пулеметы не смолкают. Мы не сомневаемся, что статично закрепленные орудия стреляют точнее, чем находящиеся в движении; мы имеем хорошую возможность судить об этом, так как нам доступно и то и другое. Однако – «Лишь в движении – победа!». Так следует ли танковой атаке быть лишь паровым катком, прокладывающим пехоте путь сквозь оборонительную линию противника, которую удерживают пехота и артиллерия с полным набором противотанковых средств наготове, на манер того, как это делалось в «битвах железа» в последнюю войну? Нет, конечно. Так можно поступать лишь в случае, если видеть в танке лишь бронированную машину, единственным предназначением которой является тесное взаимодействие с пехотой и настроенную поэтому на скорость передвижения пехоты. Мы слишком долго придерживались именно такого представления. Мы не можем и не хотим тратить на разведку недели и месяцы; мы не хотим полагаться на расточительную трату боеприпасов; мы хотим добиться в короткий срок подавления обороны противника на всем ее протяжении. Мы хорошо знаем об ограниченности огневой мощи наших танков, которая не позволит нам провести полноценную артиллерийскую подготовку; наши намерения прямо противоположны – поражать избранные цели единичными точными снарядами. Потому что мы помним, что во время войны неделями длящиеся обстрелы мощнейшей в мире артиллерии не могли обеспечить пехоте достижение победы. Наши враги преподали нам урок того, что успешная, быстрая танковая атака, достаточно проникающая вглубь и вширь в оборонительную систему противника, помогает подойти к победе ближе, чем система принятых в мировую войну ограниченных наступлений. Наши снаряды, направленные в конкретные цели, не будут свистеть у врагов над головой, как это было в тех дорогостоящих бессмысленных обстрелах; вместо этого если атака будет проводиться с достаточной концентрацией, глубиной проникновения и шириной охвата, то мы поразим все заслуживающие этого цели и сделаем таким образом брешь в обороне противника, через которую смогут проникнуть и наши резервы – быстрее, чем это было возможно в 1918-м. Мы хотим, чтобы этими резервами были танковые дивизии, поскольку считаем, что любые другие соединения не имеют нужной боеспособности, скорости и маневренности, необходимых для полноценного использования достигнутого прорыва. Поэтому мы не считаем танковые войска «вспомогательным средством для одержания победы в бою, которое во многих случаях может, в сочетании с другими видами оружия, помочь продвижению пехоты»⁷. Если бы это было все, на что годятся танки, то ситуация сейчас не отличалась бы от ситуации в 1916 году, и если бы это было так, то все были бы с самого начала обречены на позиционную войну, и никакой надежды на быстрое решение проблемы в будущем не осталось

бы. Но ни предполагаемое превосходство противника в вооружении, ни возросшая точность орудий всех калибров, ни технический прогресс артиллерии не изменяют наших убеждений. Напротив! Мы видим в танке наилучший из всех возможных видов наступательного оружия, и мы не изменим своего мнения, пока техники не покажут нам чего-нибудь получше. Мы ни в коем случае не согласны тратить время на артиллерийскую подготовку из опасения потерять элемент внезапности только потому, что есть старая максима, утверждающая, что «лишь огонь открывает дорогу»⁸. Напротив, мы считаем, что комбинация из двигателя внутреннего сгорания и броневых листов позволяет нам доставить наш огонь прямо к врагу безо всякой артиллерийской подготовки, при наличии важных условий для такой операции – подходящего характера местности, неожиданности и массовости применения.

«Сама идея о массовом применении танков приводит наших критиков в дрожь. Они пишут: «Встает также и вопрос об организации; вопрос о том, нужно ли собирать всю танковую мощь в единый кулак или следует органично распределить все танки между пехотой, чтобы она могла успешно атаковать, не заслуживает даже серьезного рассмотрения»⁹. Из этого замечания можно сделать вывод, что без танков пехота теперь успешно атаковать не может; а отсюда следует, что оружие, которое атаковать может и может помочь делать это другим родам войск, и должно быть признано главным оружием. Вопрос же о том, следует ли распределять танки между пехотой, хорошо проясняет следующий пример.

Воюют красные и синие. У каждой стороны по 100 пехотных дивизий и по 100 танковых батальонов. Красные раскидали свои танки по пехотным дивизиям, а синие сформировали из них танковые дивизии, напрямую подчиняющиеся верховному командованию. Между ними лежит линия фронта протяженностью, скажем, 300 километров, 100 из которых – непроходимая для танков местность, 100 – труднопроходимая и 100 – удобная. Тогда в бою мы будем иметь следующую картину. Красные разместили в пропорциональном отношении столько же своих дивизий, включая танки, сколько и синие, в той местности, где танки действовать не могут и являются потому бесполезными; другую часть своих танков они разместили там, где возможности танков ограничены. Получается, что на той местности, для которой танки предназначены, красные могут использовать лишь часть своих танковых сил. Синие же, с другой стороны, собрали все свои танки в одном месте, где может решиться исход войны и где местность идеально подходит для танков; соответственно, они имеют преимущество, как минимум, вдвое перед противником на этом участке фронта, а на остальных им достаточно лишь обеспечить оборону от слабых танковых атак красных. Пехотная дивизия, в распоряжении которой имеются, скажем, 50 противотанковых орудий, с гораздо меньшим трудом отразит атаку 50 танков, чем 200. Мы делаем вывод, что предложение разделить наши танки между пехотными дивизиями представляет собой лишь возврат к изначальной тактике англичан в 1916–1917 годах, которая уже тогда доказала свою порочность, поскольку танки не приносили англичанам успеха, пока их массово не применили под Камбре.

Мы планируем побеждать быстрой атакой в гущу войск противника, точной стрельбой наших бронированных моторизованных орудий. Было сказано, что «мотор не есть новое оружие, это просто новый способ двигать старое оружие вперед»¹⁰. Никто и не спорит с тем, что двигатель внутреннего сгорания стрелять не умеет; говоря о танках как о новом оружии, мы имеем в виду, что необходимо учреждение нового рода войск, как это было сделано на флоте в отношении подводных лодок. Мы убеждены, что танки – это оружие, причем такое, что его будущие успехи оставят неизгладимый след на всех битвах, которым суждено состояться. Чтобы наши атаки увенчались победой, нужно, чтобы другие виды оружия подстраивались под нашу скорость. Поэтому мы требуем, чтобы для развития наших успехов создавались и другие, вспомогательные виды вооружения, такие же мобильные, как и наши танки, которые даже в мирное время находились бы в нашем подчинении. Потому что для проведения наших решающих операций потребуются не крупные пехотные, а крупные танковые соединения».

В конце осени 1937-го проводились крупномасштабные военные маневры, на которых присутствовал Гитлер, а ближе к концу – и многие иностранные гости, среди которых были Муссолини, английский фельдмаршал сэра Сайрил Деверелл, итальянский маршал Бадольо, венгерская военная миссия. Из танковых войск участие в маневрах принимала 3-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Фессмана и 1-я танковая бригада. Я отвечал за судейство танковых маневров.

Позитивным результатом маневров оказалась уверенная демонстрация того, что танковую дивизию можно использовать как самостоятельное соединение. Ресурсов же, выделенных на снабжение и ремонт, оказалось явно недостаточно. Требовалось резкое увеличение этих ресурсов. Я сделал несколько предложений на этот счет командованию бронетанковых войск; к сожалению, они не были тут же приняты, и наша слабость с этой стороны в полной мере проявилась на ставших предметом внимания широкой общественности маневрах весной 1938-го.

В последний день маневров в честь иностранных гостей была развернута завершающая атака; в ней приняли участие все имевшиеся в нашем распоряжении танки под моим командованием. Это было внушительное зрелище, хотя располагали мы на тот момент только танками «Т-1».

После маневров в Берлине состоялся парад, а за ним – праздничный обед, который устроил в честь иностранных гостей генерал-полковник фон Фрич. Я был на него приглашен. Там у меня была возможность провести ряд интересных бесед, в частности, с фельдмаршалом сэром Сайрилом Девереллом и с итальянским маршалом Бадольо. Бадольо рассказал о своем опыте абиссинской кампании, а сэра Сайрил Деверелл спросил, что я думаю о моторизации. Молодых британских офицеров интересовало, можно ли применять на поле боя столько же танков, сколько их появилось перед Муссолини на маневрах. Они с трудом готовы были поверить, что это так, и, кажется, придерживались старой теории о том, что танк – это оружие поддержки пехоты. Беседа была очень оживленной на всем протяжении.

Глава 3 Гитлер на вершине власти

1938 год. Кризис Бломберга – Фрича. Присоединение к рейху Австрии и Судет

Насыщенный событиями 1938 год начался с того, что меня неожиданно произвели в генерал-лейтенанты. Я получил это известие в ночь со 2 на 3 февраля, а вместе с ним – приказ явиться на собрание, проводимое Гитлером в Берлине 4 февраля. Утром, уже в Берлине, я шел по улице, и знакомый, проезжавший мимо в трамвае, поздравил меня на ходу с назначением на должность командующего XVI армейским корпусом. Это было для меня полнейшей неожиданностью; я тотчас же купил утреннюю газету, где с удивлением прочел в новостях о том, что ряд офицеров высшего командного состава, в том числе Бломберг, Фрич и мой хороший друг генерал Лутц, отправлены в отставку. Объяснения этому были частично даны на совещании в канцелярии. Все командующие вооруженными силами выстроились полукругом в большом зале; вошел Гитлер и объявил, что он снял с поста военного министра, фельдмаршала фон Бломберга, ввиду женитьбы последнего, а одновременно с этим был вынужден отстранить от должности главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника фон Фрича вследствие выдвинутых против него уголовных обвинений. О других отстранениях ничего сказано не было. Мы были просто ошеломлены. Эти серьезные обвинения против офицеров высшего эшелона, которых мы знали как людей с безупречной репутацией, задели нас за живое. Они казались совершенно неправдоподобными, однако не могли мы допустить и мысли о том, что высший государственный чин Германии выдумал все эти истории безо всяких на то оснований. Выступив, Гитлер покинул комнату, и нас распустили. Ни один из нас не сказал ни слова. Да и разве можно было что-либо сказать в состоянии шока, не имея никаких возможностей судить о случившемся?

С Бломбергом все было ясно. Естественно, о том, чтобы он продолжал оставаться на посту министра, речи уже не шло. Но вот что касается генерал-полковника барона фон Фрича, тут ситуация была совершенно иной. Расследованием его дела занялся военный суд. Председательствовал на этом суде Геринг, но, вопреки мнению своего председателя, суд вынес вердикт о полной невинности обвиняемого. Было доказано, что все обвинения против генерала – беспочвенная клевета. Спустя несколько месяцев после того, как эта клевета была признана ложной, нас снова собрали – на этот раз на аэродроме, – где глава высшего военного суда, генерал Хайц, зачитал вердикт с долгим вступлением. Перед оглашением решения суда выступил Гитлер, коротко выразил сожаление и пообещал нам, что такого больше не повторится. Мы потребовали полного восстановления генерал-полковника барона фон Фрича во всех правах; однако главнокомандующему армией, генерал-полковнику фон Браухичу – которого Бломберг сам предложил на это место – удалось назначить генерал-полковника лишь почетным полковником 12-го артиллерийского полка в Шверине. Фон Фрич был таким образом восстановлен на армейской службе, но ни разу больше не получал приказов. Это была слабая компенсация за тот ущерб, который был ему нанесен. Человек, который непосредственно оклеветал фон Фрича, по приказу Гитлера был осужден, но более опасные фигуры, стоявшие за этим трусливым ударом, остались безнаказанными. Смертный приговор, вынесенный клеветнику, был лишь ширмой. 11 августа на территории, где проходили военные учения, в Гросс-Борне, генерал-полковник принял командование над 12-м артиллерийским полком. 13 августа Гитлер посетил там учения. Но они так и не встретились.

Достойная сдержанность, с которой генерал-полковник барон фон Фрич вел себя в последние месяцы, вызывала восхищение. Неизвестно, было ли это правильным поведением по отношению к его политическим врагам; но такое мнение основывается на фактах, полученных впоследствии от людей, напрямую вовлеченных в это дело.

4 февраля 1938 года Гитлер присвоил себе звание Верховного главнокомандующего вооруженными силами. Пост военного министра оставался свободным. Временно обязанности министра выполнял генерал Вильгельм Кейтель, начальник военно-политического управления военного министерства; позже эти обязанности были разделены среди командующих трех служб. Однако власти отдавать приказы Кейтель не имел. Он называл себя начальником Верховного командования вермахта (ОКВ). Новым командующим 4-й группой, в которую входили три моторизованных корпуса, стал генерал фон Рейхенау, прогрессивно настроенный, интеллигентный военный, к которому я вскоре стал питать дружеские чувства.

4 февраля 1938 года стало вторым – после 13 июня 1934 года – черным днем для высшего командного состава армии. Генералов германской армии впоследствии не раз обвиняли в недееспособности в обоих этих случаях. Но это обвинение справедливо распространить только на нескольких человек в высших эшелонах военной власти; для большинства же реальное положение дел было просто неизвестным. Даже в деле Фрича, обвинение против которого с самого начала казалось не только невероятным, но и безумным, пришлось ждать обнародования судебного решения, прежде чем могли быть предприняты какие-либо шаги. Нового Верховного главнокомандующего просили и даже умоляли, чтобы он предпринял эти шаги, но тот так и не решился. А между тем дело Фрича отошло на задний план перед лицом такого масштабного международного события, как аншлюс Австрии. Благоприятный момент для действий прошел. Дело Фрича свидетельствовало о существовании серьезного недоверия между главой рейха и командующими армией; я понимал это, хотя в силу своего положения не знал, что стоит за всем этим.

Я принял командование от своего благородного предшественника, генерала бронетанковых войск Лутца. Начальником штаба XVI армейского корпуса был полковник Паулюс, которого я знал много лет; это был умный, сознательный, трудолюбивый и талантливый офицер, и просто невозможно было сомневаться в его чистом и возвышенном патриотизме. Спустя несколько лет на него, к тому моменту командующего 6-й армией, потерпевшей поражение под Сталинградом, был обрушен поток грязной клеветы и обвинений; но до того момента, пока Паулюс сам не сможет высказаться в свою защиту, я не приемлю никаких обвинений против него.

Тем временем бронетанковые войска получили новых командующих:

1-я бронетанковая дивизия – генерала Рудольфа Шмидта;

2-я бронетанковая дивизия – генерала Фейеля;

3-я бронетанковая дивизия – генерала барона Гейра фон Швеппенбурга.

Аншлюс Австрии

10 марта в 16.00 за мной послал начальник штаба армии генерал Бек, и от него, под большим секретом, я узнал, что Гитлер обдумывает планы присоединения Австрии к рейху и в связи с этим нужно сформировать войска для наступления.

– Вы снова примете командование над своей 2-й бронетанковой дивизией, – сказал мне генерал.

Я заметил, что это может задеть моего преемника, генерала Фейеля, который был отличным офицером.

– Все равно, – отвечал Бек, – это приказ, руководить моторизованными частями, принимающими участие в этой операции, будете вы.

Тогда я предложил мобилизовать XVI армейский корпус и включить в него, помимо 2-й бронетанковой дивизии, и другие войсковые соединения. Генерал Бек согласился и предложил войсковую дивизию СС лейб-штандарт «Адольф Гитлер», которую также планировалось включить в состав оккупационных войск. В завершение беседы он сказал мне:

– Если аннексии Австрии суждено произойти, то самый подходящий момент для этого – сейчас.

Я вернулся на свое рабочее место, отдал распоряжения в соответствии со сложившейся ситуацией и принялся обдумывать, какие следует предпринять меры для проведения подобной операции. В восемь часов вечера Бек снова послал за мной, и после недолгого ожидания, где-то между 21.00 и 22.00, он отдал мне приказ привести в боевую готовность 2-ю бронетанковую дивизию и дивизию «Адольф Гитлер» и собрать оба подразделения в окрестностях Пассау. Я узнал также, что общее руководство войсками, отобранными для вторжения в Австрию, возложено на генерал-полковника фон Бока. Южнее расположения моего корпуса пехотные части должны были форсировать реку Инн; другие подразделения должны были направиться в Тироль. Между 23.00 и 24.00 я по телефону отдал приказ о приведении 2-й бронетанковой дивизии в боевую готовность; с Зеппом Дитрихом, командиром дивизии СС, я общался лично. Все подразделения были готовы выступить в пункт назначения Пассау. Трудностей в выполнении приказа в отношении дивизии «Адольф Гитлер» не возникало; со 2-й бронетанковой дивизией все было чуть сложнее, так как офицеры ее штаба во главе с командующим дивизией находились на учениях в Триере, в Мозеле. Их надо было сначала всех доставить обратно на машине. Однако, несмотря ни на что, приказы быстро выполнялись, и вскоре войска были уже на марше.

Расстояние между расположением 2-й бронетанковой дивизии в Вюрцбурге и Пассау составляло приблизительно 400 километров; от Пассау до Вены – еще 272 километра; 672 километра от Берлина до Вены.

Перед уходом Зепп Дитрих сказал мне, что собирается к Гитлеру. Я считал, что воссоединение должно было произойти без борьбы. Я понимал, что для народов обеих стран это было желанное событие. В связи с этим мне пришла в голову мысль, что в знак наших дружеских чувств танки должны быть украшены флагами и зеленью. Я попросил Зеппа Дитриха узнать, согласится ли с этим Гитлер, и через полчаса мне сообщили, что тот дал согласие.

Войска XVI корпуса прибыли в Пассау в 20.00 11 марта. Здесь мы получили приказ выступить по направлению к Австрии в 8.00 на следующий день. К полуночи в Пассау прибыл генерал Фейель во главе своих войск. У него не было ни карт Австрии, ни горючего для дальнейшего пути. Вместо карты я смог снабдить его лишь простым туристическим справочником Бедекера. Проблему с горючим решить оказалось немного сложнее. В Пассау имелся военный склад горючего, но он имел строгое предназначение использоваться только для развешивания войск на западе и для обороны западной линии (так называемой линии Зигфрида);

было приказано давать топливо только в случае мобилизации и исключительно для этой цели. Местным офицерам не сообщили о нашей операции, и с ними нельзя было связаться среди ночи. Начальник склада, исполняя приказ, отказался выделить мне даже немного своего драгоценного горючего; в конце концов я смог добиться своего только угрозой применения силы.

Транспортировать запасы нам было не на чем, пришлось решать эту проблему на ходу. Мэр Пассау помог нам, снабдив грузовиками, из которых мы на скорую руку сколотили необходимые колонны для перевозки горючего. Вдобавок к этому пришлось запросить, чтобы австрийские заправочные станции, располагающиеся на дальнейшем пути следования, были готовы к обслуживанию наших колонн.

Несмотря на усилия генерала Фейеля, пересечь границу ровно в восемь оказалось невозможным. Только около 9 часов первые части 2-й бронетанковой дивизии проехали под поднятыми пограничными шлагбаумами, и народ Австрии радостно встречал их. Авангард дивизии состоял из V (Корн-вестхаймского) и 7-го (Мюнхенского) разведывательных батальонов и 2-го (Киссингенского) мотострелкового батальона. Этот авангард быстро проскочил Линц, до которого добрался к полудню, и направлялся в Санкт-Пёльтен.

Я находился вместе с основным составом 2-й бронетанковой дивизии, а дивизия СС «Адольф Гитлер», только что присоединившаяся к нам после долгого марша из Берлина, двигалась позади нас. Идея с флагами и украшениями на танках оказалась удачной. Народ видел, что у нас дружеские намерения, и нас везде встречали радушно. Ветераны Первой мировой войны с наградными знаками на груди приветствовали нас, когда мы проезжали мимо. На каждой остановке танки засыпали цветами, а солдатам давали хлеб. Им пожимали руки, целовали, люди плакали от счастья. Не случилось ни одного неприятного инцидента, омрачившего бы событие, которого долгие годы с нетерпением ждали обе стороны. Дети одной нации, в течение многих десятилетий разделенной нерадивыми политиками надвое, наконец-то смогли объединиться.

Мы продвигались по одной дороге – дороге, ведущей через Линц. Незадолго до двенадцати часов я приехал в Линц, отдал визит уважения местным властям и принял участие в совместном обеде. Я уже собрался покинуть город, направляясь в Санкт-Пёльтен, как мне встретился рейхсфюрер СС Гиммлер в сопровождении австрийских министров Зейсс-Инкварта и фон Глайзе-Хорстенау. Они сообщили мне, что фюрер приедет в Линц около 15.00 часов, и попросили меня проследить, чтобы были закрыты дороги в город и на торговую площадь. Я отдал приказ своему авангарду остановиться в Санкт-Пёльтене, а сам, посредством находившихся в моем распоряжении основных войск, произвел все необходимые приготовления в самом Линце и его окрестностях. Войска австрийского гарнизона попросили разрешения принять участие в этих действиях: им это было дозволено. Вскоре 60 000 человек заполнили улицы и площади города. Народ был очень возбужден. Немецких солдат громко и радостно приветствовали.

Было уже почти темно, когда Гитлер появился в Линце. Я ждал его за пределами города и стал свидетелем его триумфального въезда. Я также слышал его речь с балкона ратуши. Никогда ни до, ни после того случая я не видел такого энтузиазма, как в те несколько часов. После своей речи Гитлер посетил нескольких человек, раненных во время предшествовавших аншлюсу волнений, а затем вернулся к себе в отель, где я доложил ему, что выступаю дальше в направлении Вены. Было видно, что он глубоко тронут тем, как его приветствовала толпа на рыночной площади.

Я покинул Линц около 21.00 и прибыл в Санкт-Пёльтен в полночь. Своему авангарду я сразу же приказал выступать и лично возглавил колонну, продирающуюся сквозь ночную метель в Вену, куда мы и прибыли в час ночи 13 марта.

В Вене только что закончилось факельное шествие в честь празднования аншлюса, и улицы были полны счастливых и возбужденных людей. Поэтому неудивительно, что появление

первых немецких солдат послужило сигналом к всеобщей бурной радости. Авангард промаршировал мимо Оперы вслед за австрийским военным оркестром и в присутствии командира Венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфля. По окончании марша военных на улице снова началось массовое веселье. Меня несли на руках, пуговицы с моей шинели оторвали на сувениры. Нас встречали очень дружелюбно.

После недолгого отдыха я снова занялся делами. Рано утром 13 марта я нанес ряд визитов командирам австрийской армии; все без исключения приветствовали меня очень учтиво.

14 марта было полностью посвящено приготовлениям к грандиозному параду, который должен был состояться на следующий день, 15 марта. На меня возложили ответственность за подготовку, и для меня первая работа с новыми товарищами стала поистине удовольствием. Вскоре мы пришли к соглашению о том, как организовать парад, и на следующий день нам было приятно видеть, как проходит первая демонстрация в Вене, ставшей частью Германского рейха. Войска Австрии открыли парад; за ними вперемежку шли немецкие и австрийские подразделения. Народ приветствовал всех с энтузиазмом.

В один из вечеров я пригласил несколько австрийских генералов, с которыми недавно познакомился, на ужин в отель «Бристоль», надеясь таким образом укрепить наши новые отношения. Затем я отправился в инспекционную поездку по стране. Моей целью был осмотр различных механизированных частей австрийской армии; мне предстояло решить, как лучше интегрировать их в наши новые объединенные войска. Я особенно хорошо помню два из совершенных мной визитов. Один – в Нойзидлер-Зе, где располагался гарнизон моторизованного егерского батальона, второй – в город Брук на реке Лайта, в танковый батальон австрийской армии. Последним руководил генерал-полковник Тейсс – отличный офицер, у которого было увечье, полученное в танке. Его подразделение произвело на меня великолепное впечатление, и я быстро наладил отношения с его молодыми офицерами и солдатами. И боевой дух, и дисциплина в этих двух подразделениях были настолько сильны, что их присоединение к армии рейха было и выгодным и приятным.

Мы хотели показать австрийцам Германию, а не только немцам Австрию, чтобы таким образом еще больше усилить чувство единения. Группы солдат из бывшей австрийской армии отправлялись с короткими визитами в рейх. Одна из таких групп попала в мой бывший гарнизон в городе Вюрцбурге, где моя жена организовала все, чтобы их хорошо встретили и чтобы они не скучали.

Немного спустя моей дорогой жене удалось приехать в Вену, и мы смогли отпраздновать вместе день ее рождения – 25 марта.

Из оккупации Австрии немецкие войска извлекли для себя несколько важных уроков.

Марш прошел в целом спокойно. Поломки среди колесной техники были небольшими; среди танков это число было, однако, намного больше. Я не могу припомнить точных цифр, но они никак не могли составлять больше тридцати процентов. До парада 15 марта почти все танки были в хорошем состоянии. Учитывая скорость марша и огромное расстояние, которое они преодолели, поломок было не так уж много; но для того, чтобы понять это, надо было иметь определенные знания о танках, которых генерал-полковник фон Бок, например, не имел. Поэтому после парада наш молодой род войск подвергся резкой критике со стороны определенных структур. Было заявлено, что танки показали полную неспособность к долгому непрерывному наступлению. На самом же деле критику следовало бы направить на более заслуживающие ее цели. Чтобы по достоинству оценить продвижение бронетанковых войск к Вене, нужно было учесть следующее:

а) войска не были готовы к такой операции. Когда начался марш-бросок, подразделения находились еще в процессе обучения. Офицеры 2-й бронетанковой дивизии интенсивно проходили теорию предыдущей зимой; закрепить эти знания планировалось на учениях в Мозеле,

о которых я упоминал ранее. Никто не предполагал неожиданной зимней операции дивизионного масштаба;

б) высшее командование тоже не было готово. Решение было принято только по личной инициативе Гитлера. Все было сплошной импровизацией; для бронетанковой дивизии, которая существовала с осени 1935 года, это было трудное задание;

в) импровизированный поход в Вену означал, что 2-я бронетанковая дивизия должна была преодолеть расстояние в 672 километра, дивизия СС «Адольф Гитлер» – в 960 километров за сорок восемь часов. В целом задача была выполнена удовлетворительно;

г) самым уязвимым местом было неудовлетворительное состояние техники, особенно танков. Это стало очевидным еще на осенних маневрах 1937 года. Обещание исправить такое положение дел не было выполнено к марту 1938 года. Эта ошибка больше никогда не повторялась;

д) особенно значимой проблемой оказался вопрос поставки топлива. Вопрос о его нехватках был на будущее улажен. Боеприпасов мы в этот раз не расходовали, поэтому проблема о поставках боеприпасов возникла лишь по аналогии с проблемой о поставках топлива. Этого хватило, однако, чтобы и здесь были приняты меры;

е) в любом случае наши надежды в отношении возможностей бронетанковой дивизии были оправданны;

ж) этот марш-бросок показал нам, что вполне допустимо передвижение более одной моторизованной бригады по одной дороге. Наша точка зрения на оперативные возможности моторизованных войск получила весомые подтверждения;

з) следует, однако, отметить, что весь полученный опыт лежал в сфере передвижения и снабжения танковых частей; опыта ведения военных действий в этот раз мы не приобрели. Однако будущее показало, что немецкие бронетанковые войска и здесь были на правильном пути.

В своих воспоминаниях, кстати весьма ценных и значимых, Уинстон Черчилль описывает аншлюс совершенно иначе⁵. Его стоит процитировать целиком:

«Триумфальный вход в Вену был давней заветной мечтой капрала-австрияка. Ночью в пятницу 12 марта нацистская партия провела в столице заранее запланированное приветственное факельное шествие в честь героев-завоевателей. Но герои не прибыли. Поэтому троих баварцев из интендантской службы, которые приехали на поезде, для того чтобы решить вопрос о размещении солдат, пришлось, как единственных представителей, нести по улицам на руках, чему сами они были сильно удивлены... Сами же виновники торжества продвигались весьма неторопливо. Немецкие боевые машины неуклюже перешли через границу и остановились возле Линца. Несмотря на хорошую погоду и отличные дорожные условия, большая часть танков сломалась. Поломки имелись также и у моторизованной тяжелой артиллерии. Дорога от Линца до Вены была забита тяжелой колесной техникой, отказавшейся двигаться дальше. Ответственность за поломки, которые показали неподготовленность германской армии на данной ступени реформ, возложили на генерала фон Рейхенау, фаворита Гитлера, командующего 4-й группой армий.

Гитлер сам, проезжая через Линц, видел эти заторы и пришел в ярость. Легкие танки смогли выбраться из затора и вошли в Вену рано утром в воскресенье. Колесную технику и моторизованную тяжелую артиллерию доставили по железной дороге на открытых платформах, и только таким образом они успели к церемонии. Известно много картин, изображающих, как Гитлер следует через Вену посреди ликующей или испуганной толпы. Но у этого мистического триумфа была беспокойная подоплека. Фюрер еле скрывал бешенство, в кото-

⁵ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. «Гроза собирается». С. 242. Лондон: Cassel & Co, 1948.

рое привело его свидетельство явных недостатков германской военной техники. Он отчитал генералов, а те не промолчали в ответ. Они напомнили Гитлеру о том, что он отказался слушать Фрича, предостерегавшего о том, что Германия не в том положении, чтобы пойти на риск серьезного конфликта. Однако внешние приличия были соблюдены. Официальные празднования и парады состоялись...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.